

Леонид Григорьевич
Онушко

И вечный бой, или Затяжной конфликт

Родился я в Запорожье (Украина). Отец, бухгалтер-ревизор, по классовым мотивам мягко репрессирован путем высылки в 1935 году в Симферополь. По итогам войны оказался лицом без гражданства, до 1949 года пребывал в Чехословакии, откуда уехал в Австралию, где и жил по-человечески до самой смерти в 1986 году. Увидеться не позволила система. Но, к счастью, мы с ним переписывались в 1960–1986 годы.

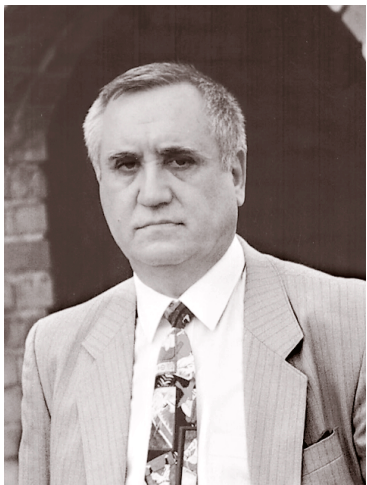
Приличное образование у меня отсутствует, образованность серьезная. Брался за многое, но был разбросан. Один курс Днепропетровского горного, один курс юрфака МГУ, затем по причине сокращения карательных органов принудительный перевод в Московский финансовый, который бросил в конце третьего курса в знак протеста против подавления Венгерского восстания. Протест инфантильный — не ходил на занятия военной кафедры, не желал постигать тонкости фуражно-вещевого довольствия, чем ослаблял военную мощь монстра. Недавно узнал, что в те же годы по тем же коридорам МФИ бегал и бывший премьер Павлов, он учился на финансовом факультете, я — на учетном. Не знали, так как он серьезнее относился к учебе.

Уже позже, в 68-м, поступил и окончил вечернее отделение Донецкого торгового. И так, товаровед высшей квалификации (продовольственные товары). А главное — сформировал многолетнюю привычку к самообразованию, желание досконально разобраться в хитросплетениях любого нового для себя дела, добиться в нем высочайшего профессионализма...

Десяток трудкнижек и еще более коротких захватывающе интересных работ — учетчик, натирщик паркетных полов, грузчик, ночной развозчик молока, диспетчер, снабженец, продавец, завмаг и, наконец, инженер по снабжению. С 1970-го по 1987-й хранил верность автомобилестроению, из них 15 лет — КамАЗу, будь он проклят. Но мы были квиты. Он мне регулярно — кость в виде оклада с премией, я ему — радостный труд с 8 до 17 в Управлении смежных производств. Вышел на очень важную в нашей стране специальность — стал «толкачом». Такая вот карьера.

КАМАЗ

(Из дневника). ...19 июня 1972 года в 18.40 прекрасным летним вечером поезд №105 Запорожье–Москва медленно отошел от перрона вокзала Запорожье-1, унося меня в столицу. Немногочисленная группа друзей, безалаберно размахивая руками, все отдалялась. Позади осталась целая полоса сознательной жизни, а впереди — сплошная неясность.

Л. Г. Онушко**1988–1996**

Председатель правления (президент) ОАО «Межрегиональный народный банк «Континент» (Набережные Челны)

1996–1998

Председатель совета директоров ОАО «Межрегиональный народный банк «Континент» (Набережные Челны)

Ехал я, конечно, не в Москву. Когда человек решает начать жизнь с начала, он ее редко начинает в столице, это удел немногих счастливиц. Настроение мое в те дни было таково, что любая окраина, любой медвежий угол были бы мне по сердцу. Поэтому, обдумывая свои жизненные планы, я наметил для начала два варианта. Одним из них был КамАЗ, о строительстве которого в Набережных Челнах живописали газеты, а вторым — нефтяная целина тюменского Севера. Кое-какие сведения о нефтяном Эльдorado у меня имелись. Внимательно просмотрел я и карту Западной Сибири. Такие городки, как Сургут, Нижневартовск, Мегион, Саяногорск, Уренгой или Нефтеюганск крепко засели в голове. Звучные названия явно пахли романтикой, свободой, возможностью начать следующий день с чистой страницы.

О КамАЗе я знал гораздо меньше, буквально в общих чертах, но, во-первых, ехал я все-таки с автозавода, где проработал два с половиной года и имел поэтому кое-какой опыт и некоторые знания структуры автомобильной промышленности, что, считал я, на КамАЗе могло пригодиться.

Во-вторых, я имел рекомендательное письмо одного своего приятеля к Л. И. Застеру, начальнику управления оборудования КамАЗа, в котором жутко привлекательно расписывались достоинства подателя письма.

Принят я был на должность начальника бюро формовых резинотехнических деталей с окладом 135 рублей без всяких премий и коэффициентов, но с обещанием сразу же дать мне отдел, как только в штатном расписании появится должность начальника отдела и если я буду хорошо себя вести, что, по правде говоря, мне в жизни удавалось редко.

Бюро находилось в Москве, и я понял, что в Челны мне пока ехать не придется, а несколько лет надо будет провести в Москве.

Дирекция строящегося Камского автомобильного завода (ДСКАЗ) находилась в бывшем храме на Таганке. УСП (Управление смежных производств) состояло из одной большой трапезной под тяжелым сводчатым потолком, где сидело в невероятной тесноте более 20 человек (и я в том числе), и небольшого алькова в конце трапезной — площадью эдак мет-

ров на десять, отделенного от основного народа фанерной стенкой с фанерной же дверью, где сидели руководители.

...Итак, 21 июня 1972 года начался мой первый рабочий день на КамАЗе.

...Но оказалось, что свезенные со всей нашей безразмерной округи инженеры, имея за плечами разнокалиберный, несопрягаемый опыт и привыкнув на своих родных заводиках к тихой кабинетной работе, не смогли мгновенно оценить задачу и сплотиться в единый монолит.

Да и цели, внутренние причинные, движущие пружины их мотиваций очень не совпадали. Одни приехали за карьерой (фу, как по-капиталистически...), другие напролом лезли в загранкомандировки (внутренняя гнильца, замешанная на низкопоклонстве перед гнусным Западом...), третьи надеялись на быстрое решение квартирной проблемы (рвачи-шкурники...), еще одни сбежали на КамАЗ с любовницами (разложенцы, открыто похерившие нравственные идеалы светлого будущего...), некоторые делали большой бизнес на неразберихе первых лет (махеры-комбинаторы, обреченные в будущем на длительные сроки общественно-полезных работ на Северах...), в общем, единства порыва ну никак не получалось.

...Недельки через две, в начале июля, меня снарядили в первую командировку в Набережные Челны на предмет осмотреться на месте...

В 1983 году у меня начался затяжной конфликт с коррумпированными коммерческими боссами КамАЗа того периода. Но, к счастью, я сумел постоять за себя, так что столпы автогиганта меня проглотить не смогли, хотя обычно они вышвыривали противника не только за пределы объединения, но и за черту Минавтопрома. Четыре года со мной долго и нудно боролись. Отдел планирования поставок, который я создал, расформировали, мне придумали вздорную должность в другом управлении, лишь бы я соблюдал их условия игры — «ты приходи 8-го и 23-го, распишись и чтоб мы тебя до следующей зарплаты не видели». Естественно, начислялась и полная премия. Хотя при этом было четыре попытки убрать меня «по сокращению штатов», правда, безуспешных. Т. е. мне платили за то, чтобы я «прекратил дергаться», а они якобы прекращают «доедать» меня до конца.

Кооператив

С 1985-го понял, что система подалась, как Пизанская башня, и надо ей в этом направлении помогать. Считаю, что с 1987-го я реальный политик, поскольку любой предприниматель, создающий свое дело, формально не получая ничего партбилета, но демонстрируя свободный труд и распоряжаясь продуктом своего труда, выдает зримый политический результат. Быстро переболел инфлюэнцей социализма с человеческим лицом.

То было начало кооперативного движения, начало вообще независимой экономики. Законом о кооперации была пробита лишь брешь в государ-

Л. Г. Онушко

ственной экономике. Предприимчивый человек был выпущен на свободу, но свободным оказался весьма условно. Он выбежал на лужайку, вроде бы можно и погостить, но вокруг все те же тигры полосатые, гляди, и самого слопают...

Вот как объяснил причину ухода в кооперативы один из моих коллег, председатель казанского кооператива «Инжиниринг» Владимир Пестов: — Из государственных предприятий ушло в кооперацию очень много сильных работников, новаторски настроенных специалистов. Им надоела уравниловка, когда доход ударника производства лишь чуть-чуть отличался от зарплаты лодырей и пьяниц, выплачиваемой нередко лишь за выход на работу. Они устали от бесхозяйственности и необходимости вести настоящую битву за внедрение любого новшества. Люди хотят работать в полную силу и получать при этом действительно по труду...

Первый мой кооперативный опыт — в середине 87-го создал семейный кооператив «Европа», который доскрипел до 93-го.

Это было быстро, где вместе со мной работали жена, старшая дочь и зять. Конечно, я совсем не мечтал о карьере ресторатора, но прекрасно осознавал, что, прежде чем перейти к более серьезному делу, нужно пройти этап накопления опыта и, естественно, капитала.

Надо мной смеялась вся округа. Вьюга, метель, а я на санках везу мешок муки за три квартала. Потом рюкзак — и на другой конец города в коопторг за мясом. Работали по шестнадцать часов в сутки. Помощи ждать было неоткуда. Мы балансировали на грани банкротства и чудом продолжали существовать вопреки попыткам различных государственных структур нас задушить.

Однако работа семейного кооператива набрала оборотов. Первая половина года прошла в становлении кафешки «Пантограф», куда приезжали отведатьпельменей и супов люди едва ли не из Старого города... В частности, были замечены руководящие дамы из Автозаводских райисполкома и райкома партии, руководители 1-го треста столовых и ресторанов, с которым мы учредительский договор расторгли в начале года, так как трест пытался сесть нам на шею...

Только набрало силу быстро, меня выкинули на улицу, расторгли арендный договор. И все сначала, с нуля: новое кафе оборудовать, оснастить. Быстро пришлось закрыть. Но к тому времени было запущено еще одно производство. Вместе со своими коллегами я арендовал в самом центре Набережных Челнов магазин, который до этого, подобно другим торговым предприятиям города, не мог похвастаться изобилием товаров. При магазине, получившем громкое название «Европа», открыли цех, шили в нем пальто, куртки, женские платья, по качеству и вправду мало уступавшие европейским стандартам. Однако процветание длилось недолго — вскоре, как и в первом случае, новые распоряжения и инструкции заставили свести швейное производство до минимума.

Практически борьба с кооперацией началась, чуть ли не на следующий день после принятия закона, давшего ей «зеленую улицу». С завидным упорством ведомства и местные власти развешивали на этой улице различные запретительные знаки, расставляли «ежи» и надолбы, преграждали путь рвами и траншеями... Понадобилось не так уж и много времени, чтобы превратить дорогу, которая должна была вести к изобилию, в прифронттовую полосу. Кооператорам отказали в льготном режиме налогов даже на период становления, установили различные ограничения на реализацию производимой ими продукции, свели на нет торгово-закупочную деятельность, заставляли покупать сырье и оборудование по ценам, в несколько раз выше государственных.

Шаг за шагом новых предпринимателей вынуждали сдавать позиции, искать обходные пути и лазейки в законодательстве, позволявшие еще хоть месяц, хоть полгода продержаться на плаву. Тогда-то и пришло осознание необходимости объединить свои силы. Дальше отступать было некуда...

В начале года принимал участие в разработке концепции и создании одной из первых в бывшем СССР (1988 год) Автозаводской кооперативной ассоциации, потом общероссийской.

Пришлось объездить добрый десяток городов, где я встречался с членами кооперативов, уговаривал, убеждал. Т. е. стал движителем этого процесса.

28 августа (из дневника). Вчера закончилась 2-я конференция кооператоров РСФСР (24–27 августа 1988 г.), проходившая в Набережных Челнах под эгидой Автозаводской кооперативной ассоциации. Учредили Межрегиональную кооперативную федерацию СССР, которую, с моей подачи, возглавил Валерий Писигин (руководитель политического клуба имени Бухарина). Его заместителями стали Курцев и Калачев.

Началось нашествие проверяющих. Пожарные и санэпидстанция оттачивали мастерство и изощренно мешали работать. Не только у меня случались подобные неприятности. Почувствовав свою незащищенность, в первую очередь правовую, кооператоры Набережных Челнов начали искать опоры друг в друге. Надо сказать, что в Челнах кооперативов на душу населения было больше, чем в Москве. В отличие от кооператоров других городов члены 240 кооперативов в Набережных Челнах были молоды, в среднем 30 лет. Именно здесь, в Набережных Челнах, и прошли две конференции кооператоров. И на второй из них, в августе 1988-го, представители 29 городов и более чем четырех тысяч кооперативов объединились в межрегиональную федерацию. Для обеспечения нужд федерации, в которую вошли кооператоры Улан-Удэ, Перми, Комсомольска-на-Амуре, Краснодара, Астрахани и других городов, и создается банк. Потому и называется межрегиональным. Так и стали Набережные Челны штаб-квартирой и федерации, и банка.

Из Устава Межрегиональной кооперативной федерации (МКФ):

«Цели и задачи федерации:

...Координация деятельности кооперативов, организация кооперационных связей...

...Обеспечение защиты прав кооперативов и оказание им юридической помощи, представление их интересов в соответствующих государственных и иных органах, а также в международных организациях».

В Челнах я был в числе первых кооператоров и сам столкнулся с тем, что тогдашняя система спецбанков обслуживать кооператоров и не умеет, и не хочет. Собственно, тогдашнего управляющего банком называть банкиром можно было с большой натяжкой. Банки тогда были конторами по распределению ресурсов, плановых кредитов и т. д. Это все, что они умели и хотели.

На нас они смотрели как на классового врага. Мы очень быстро поняли, что не получим ни кредитов нормальных, ни обслуживания. Более того, мы не могли свободно распоряжаться и своими средствами. Как Божий день было ясно, что без собственных банков нам не выжить. Новая экономика должна иметь новую банковскую систему.

«Банкир»

1988 год (из дневника). Где-то числа 20 апреля я прилетел в Москву и занялся хождением по инстанциям, чтобы сдать наши предложения по доработке готовившегося Закона «О кооперации». В одном из административных подъездов вокруг Старой площади наткнулся на кабинет министра труда тов. Щербакова Владимира Ивановича, который, будучи директором КамАЗа по экономике, давил меня четыре года, пытаюсь сократить... Владимир Иванович заказал мне пропуск к себе, вышел на встречу, обнял, как будто бы между нами никогда никаких сложностей и не было.

Посетовал, что если бы предложения нашей межрегиональной конференции в Набережных Челнах поступили на пару недель раньше, то он бы все устроил и их бы по возможности учли при окончательном редактировании закона. Просил заходить, передавать привет КамАЗу и вообще всем, кто его помнит...

20 июля. Приехал из Москвы и сразу окунулся в дела кооператива и АКА. Дело, по которому ездил в столицу, стоит того, чтобы о нем сделать запись. В первых числах месяца ко мне в 214-й кабинет горисполкома, где я почти каждый день бываю и принимаю братцев-кооператоров как председатель Автозаводской кооперативной ассоциации, вдруг заглядывает дама из 1-го отдела ГИКа (горисполкома) и манит меня пальцем. Я поднимаюсь и иду за ней. Зашли в кабинет, где я прежде никогда не бывал. Тетка заходит за свой изъеложенный деревянный казенный барьер и информирует меня о том, что из Москвы на мое имя

спецсвязью поступил пакет от Н. И. Рыжкова, председателя Совмина СССР.

Видя мое недоуменное выражение лица, достает толстый пакет формата А4 и протягивает мне. Бандероль по-всякому обштампована и выглядит важно. Вытаскиваю содержимое. Она дает мне расписаться в каком-то журнале, что я ознакомлен, и предлагает прочитать бумаги. Читаю. Приглашение прибыть в Москву на заседание Президиума Совета министров СССР 13 июля т. г. к 10:00. Далее материалы к заседанию, из которых узнаю, что будет обсуждаться вопрос о ходе исполнения Закона СССР «О кооперации», принятого в мае.

Хочу забрать пакет и уйти, но дама не пускает, отбирает пакет. Говорит, что расписался и хватит. Я страшно удивился и пошел на нее наступать, поскольку пакет пришел на мое имя, а не на имя Ю. И. Петрушина, председателя ГИК. Она ответила, что ведь на адрес ГИК. Я же вернул ей мяч, порассуждав о том, что Николай Иванович, видно, забыл мой адрес и, естественно, погнал письмо через «советскую власть». Еще я сказал, что меня без предъявления приглашения и в Кремль не пустят, а у нее будет крупная неприятность. Сошлись на том, что я все заберу, а, вернувшись отдам. Кроме того, она взялась быстро изготовить для себя ксерокопии, а с меня взяла еще и расписку, что я взял на время адресованное мне письмо.

10-го я уже был в Москве и обивал пороги всяких хитрых подъездов вокруг Старой площади в попытке быстро оформить пропуск в Кремль на 13-е.

Наконец наступило 13-е, и к 10 утра я скромно через Спасские ворота, пешком, а не в членовозе, без суеты вошел в Кремль со своим неизменным полиэтиленовым пакетом, «авоськой». Мне показали, куда идти, и вскоре я попал в Овальный зал, где проходили заседания Президиума Совета министров СССР.

Бело-голубой зал с большим столом посередине оказался до отказа набит министрами и кооператорами. Министр финансов ТаССР оказался почему-то рядом со мною и опекал меня, как хороший футбольный защитник. Вот он показал на высокого уверенного в себе мужика, прошептал с почтением, что это сам Табеев. Кооператоров оказалось человек тридцать. Николай Рыжков, открывая заседание Президиума Совмина СССР, сказал, что, для того чтобы узнать ситуацию на местах, надо начать с заслушивания гостей, то есть кооператоров. Но для затравки выступил министр финансов Гостев, который привел много всякой заумной статистики и сказал, что кооператоры много получают, надо и налоги увеличить и установить им потолок зарплаты.

Первым из свободных людей выступал юморной еврей из Киева, открывший семейный заводик по производству полиэтиленовой пленки для теплиц. Изюминка его ноу-хау заключалась в том, что он вместо стандартной ширины в 3 метра начал производить пленку 6-метровой ширины. Естественно, от покупателей нет отбоя и дело процветает. Раскритиковав подход на регулирование доходов кооператоров — он сказал, что

Л. Г. Онушко

двумя ложками не ест, а его жена на рынок ездит в одной машине, а не двумя сразу.

Затем Н. Рыжков попросил сидевшего под стеночкой на приставном стуле академика Л. Абалкина посчитать, сколько можно разрешить кооператору класть в личный карман, определить политически-приемлемый «потолок». Ведь сказал же вот товарищ из Киева, что имеет более 2 тысяч в месяц, а союзные министры, тот же Гостев, например, имеют по 800 в месяц... Сие наводит на размышления, не выпускаем ли мы джинна... Леонид Иванович пробудился от дремы, вынул из кармана блокнотик и стал в нем делать карандашиком какие-то сложные выкладки. Зал замер, ожидая исторических выводов. Минут через пять академик встал и доложил, что, выходит, до тысячи рублей в месяц будет получаться объективно при честной работе...

— Ну, ты того, Леонид Иванович, — по-отечески улыбнулся Рыжков.

— Но так ведь выходит... Хотя, если учесть специфику, — и карандашик опять застрочил по блокноту, — то в районе 700 будет достаточно.

— Вот это уже более реально, — закивал премьер-министр, — давайте продолжим обмен мнениями!..

Я не удержался и полез на трибуну. Сказал, что любое регулирование доходов кооперативов и их работников неприемлемо, потому что погубит дело, не набравшее оборотов. Кроме того, ненормируемый рабочий день и перегрузки трудом и ответственностью требуют компенсации материальным интересом.

Вот Борис Иванович Гостев, например, может лично убедиться, что товарищ Абалкин немного не прав. И под хохот государственных мужей пригласил Б. И. приехать в июле-августе во время отпуска в Челны и поработать в нашем кафе «Пантограф» поваром. Условия такие. 12-часовой рабочий день. Плита 2×2 метра в помещении 3×3 метра. Жара и невыносимо приятный запах непрерывно выпекаемых чебуреков и пирожков, отвариваемых пельменей и томящихся борщей и рассольников, короче, все бегом-бегом и давай-давай... За все про все буду платить 2 тыщи в месяц... Так вас ждать, товарищ Гостев?..

Сошел с трибуны под бурные и продолжительные. Все долго смеялись. Но к компромиссу по потолку дохода на душу кооператора так и не пришли...

Николай Иванович, сообразуясь с неизвестными мне местными традициями, объявил обеденный перерыв.

Рафаэль Мингазов — министр финансов ТаССР, тоже участвовал в заседании Президиума Совмина СССР и, чувствовалось, «пас» меня. Когда мы с ним вышли в небольшой холл, куда уверенно двинулся Н. Рыжков, оказалось, что, стыдливо обгоняя премьера, участники заседания ринулись кто на этаж повыше, кто на этаж пониже, как я позже узнал, в буфеты для ответработников. В самом же холле, куда мы с Мингазовым вывалились в составе круто пышущей мужским потом толпы, зиял проем гостеприимно открытой белой со старорежимными финтифлюшками

двустворчатой двери, которая вела в банкетный зал, вместивший в себя огромный стол персон эдак на двести.

И в этот момент Николай Иванович, уже достигший входа в банкетный зал, полуобернулся и галантным жестом как бы пригласил толпу совслужащих и кооператоров отведать чего Бог послал. Увидев неподалеку меня, он тепло улыбнулся, и в этот миг Мингазов, чье чиновничье чутье не позволило ошибиться, незаметным, но сильным движением придал мне ускорение и я в доли секунды переместился прямо к Рыжкову. Тот принял всю эту еще не понятую мною пертурбацию как выполнение его желания в форме телепатического указания и сразу же автоматически подхватил меня, очумевшего от дерзости Мингазова, под локоток и увлек в банкетный зал. За нами вошло еще человека три-четыре. И вот оно, чудо организации таких чаепитий — старинные двери зала закрылись, скрывая от нас толпу, чей удел был — буфеты выше и ниже холла...

В банкетном зале на гаргантюанском столе все было готово для чаепития — закуски, закусончики, закуси. Но, что меня особенно поразило, огромные, как мне показалось, двухведерные алюминиевые чайники типа простецких рыбацких или полестанских (кто не забыл — полевой стан, это — песня совка...). Вдоль стола молча фланировали три-четыре дюжих служителя, явно совмещавших профессию официанта с восточными единоборствами. Отвлекаясь на пару минут сполоснуть руки, мы, то есть Николай Иванович со товарищи и я, сам по себе, сиротливо притулились у истока этого великолепного стола и начали чаевничать, что включало в себя поедание большого количества бутербродов и закусок и, разумеется, чай в стаканах с подстаканниками. Чай непрерывно наливали добры молодцы.

Напротив меня расположился премьер, а также министр финансов Гостев и министр сельского хозяйства Махарадзе, а рядом еще какой-то министр, которого я так и не рассекретил во время нашей получасовой беседы.

Аппетитно расправляясь с достижениями комбината им. А. И. Микояна, Николай Иванович сказал, что очень доволен моим выступлением.

— Как там, в глубинке? Кооператоры идут в атаку?

— Да нет, — отвечал я, — кооператоры в глухой обороне. Судите сами, у нас семейный кооператив, небольшое кафе на четыре столика. Так стало проблемой купить мясо, муку, другие продукты. Ведь в Челнах карточная система, продовольствие распределяется по талонам. Естественно, когда надо взять мешок муки или крупы, возникают проблемы... Мясо приобретаем на колхозном рынке, но всякие контролеры возникают и активно мешают... Предлагают самим выращивать...

— А почему бы и не выращивать?

— Но ведь швейники не растят хлопок и не ткут тканей, они шьют из тканей, произведенных другими... Надо каждому делать что-то одно, тогда можно делать хорошо...

— И какой же выход?

 Л. Г. Онушко

— Надо упразднить колхозы и пустить землю в свободный оборот. Тогда и мясо появится, и вообще хорошо заживем, изобильно... Но к тому еще надо фермера первое время охранять силой государства, а то кое-где тем, кто начал сам обрабатывать землю, стали «петуха» пускать... Такие факты нашей ассоциации известны...

Махарадзе кивал головой, как бы подтверждая истинность моих слов.

Николай Иванович удивленно вскинул брови:

— Что же вы, минсельхоз, ворон не ловите? Где ваши предложения по земле?

Махарадзе развел руками:

— Мы думали в этом направлении, но так радикально, как предлагает товарищ... Это же потребует кардинального изменения Конституции...

— А что, ведь мы начали не просто перестройку, а настоящую экономическую революцию... Думайте, а то окажетесь в хвосте событий... Что еще мешает?

Я подумал и сказал, что Жилсоцбанк не понимает, как кредитовать свободного производителя, нужны кооперативные банки...

— Это уже камешек Гостеву, — усмехнулся Рыжков. — Мы же записали в Законе «О кооперации» что-то насчет кооперативных банков, в чем же дело, где банки?..

— Так ведь команды не было... — с досадой отозвался Гостев.

— Какая тебе команда нужна, ведь есть прямая запись в союзном законе... Вот что, — обратился он ко мне, — а вы можете инициировать первый банк?..

— Да, мы имеем конкретную проработку, но не знаем, с какого конца заходить...

— Тогда так, Борис Иванович, берите товарища из Челнов под личный контроль, а я себе помечу вопрос. Через недельку приходите в Минфин и решайте по собственному кооперативному банку...

После чаепития и непродолжительного сидения на пристенном диване Н. И. Рыжков повел нашу группу в зал, и заседание продолжилось часов до пяти... Никаких решений внешне принято не было, по крайней мере, ничего не ставилось на голосование. А что там записали в протокол стенографистки, нам, простым смертным, осталось неизвестным.

25 октября 1988 года (архив). 23-го числа «Московские Новости» под рубрикой «Портрет делового человека» опубликовали заметку Елены Иллеш «Банкир» о мой персоне. Вот она:

11 ноября (обидная опечатка, имеется в виду 11 октября, — Л. О.) Леонид Онушко вышел из здания Госбанка СССР на Неглинной улице с бумагой, удостоверяющей право на существование межрегионального кооперативного банка «Континент». Это один из первых возникших в последние месяцы кооперативных банков. К началу будущего года

в активных фондах нового банка должно быть уже полмиллиона рублей. Свой вариант устава Онушко принес сюда еще четыре месяца назад и, если бы был сговорчивее, мог бы стать первым кооперативным банкиром.

Кооператору из Набережных Челнов 53 года, на банкира он не похож, в руках пластиковый пакет вместо портфеля, костюм — от «Большевички», на сберегательной книжке жены — четыре тысячи рублей, своей — нет. Разбогатеть Онушко не рассчитывает — банк предприятие слабосокупаемое, а банкир — просто профессия, но интересная.

Спрос на кредиты у кооператоров сегодня велик, потому в стране и стали возникать кооперативные банки. Сейчас их уже более десяти. Конечно, ссуды дает и государственный банк, но с ним случаются недоразумения: сегодня, допустим, пришла грозная телеграмма, запрещающая кредитовать видеосалоны, вчера не разрешали финансировать строительные работы, а третьего дня не давали денег торгово-закупочным кооперативам. Пойди догадайся, кому откажут, а кому дадут денег завтра. Фонды же кооперативного банка складываются из паев самих кооператоров — у них не будет таинственных причин отказывать в кредитах своим коллегам. Впрочем, банк не откажет в средствах и государственным предприятиям, будет работать и со вкладами населения. В отличие от 3 процентов, которые дает вкладчикам сбербанк, Онушко предполагает давать 4 процента. А доходы пайщиков, правда, не сразу, но составят 10 и больше процентов паевого участия.

Кооператив — это возможность реализовать себя для тех, кто не смог этого сделать на государственной службе. Сам он 15 лет отработал на заводах КамАЗа, возглавлял отделы, в том числе планирования поставок. На этой должности выдержал неравный бой с руководством завода: написанное им в центральную газету письмо о, скажем так, несообразностях производственного процесса повлекло за собой несколько персональных сокращений. Три атаки Онушко, как мог, отбил, но оказался задвинутым на такую должность, где работа была не только неинтересной, но и ненужной. Впрочем, об этих делах давно минувших дней вспоминать он не хочет. С завода ушел сразу же после начала «кооперативной эры»...

Еще нет нового банка в Набережных Челнах, но уже есть очередь будущих клиентов. Среди них несколько заводов КамАЗа — ведь в Госбанк они приходят отчитываться, как школьники. И если надо купить лопату, а эта статья расходов исчерпана, строгий кассир не даст денег, хотя бы в счет другой статьи. Контроль мелочен и утомителен, не оставляет маневра, потому и ждут открытия банка Онушко.

И колхозы просят: откройте нам счет. С ними иной раз и вовсе не церемонятся — по звонку из райисполкома, не спросив у председателя колхоза, без его подписи могут в конце квартала списать на содержание агропрома огромные суммы. На банк Онушко телефонное право распространяться не сможет.

Л. Г. Онушко

И просто граждане спрашивают — те, у кого деньги до поры дома лежат, кого не прельщает процент сберкасс: можно ли стать пайщиками? Нет, этого Министерство финансов кооперативному банку не разрешило. Без объяснения причин. Не разрешило оно банку и кредитовать граждан — тех, кому не хватает денег на серьезную покупку. Объяснить этот отказ было бы легче, если бы нам давал деньги в долг банк государственный, но ведь он не в состоянии этого делать!

...Почему председателем кооператива, «банкиром» оказался именно Онушко? Выбрали. Наверное, потому, считает он сам, что любопытен, всегда интересовался политэкономией, был снабженцем и знаком с бюджетными хитростями. И еще хоть и ненавидел в детстве мамину бухгалтерскую работу, но вырос, катаясь на ее счетах. Во многом оказывался неудачником: писал стихи и даже роман, недоучился в московском вузе, много раз все приходилось начинать на пустом месте. Но неудачи, как говорит Леонид, только подогревали азарт.

И в этот раз не все сложилось удачно. Не разрешили сделать банк акционерным. Старейший сотрудник Минфина, наложивший свое вето, как выяснилось, акции никогда не видел, в руках не держал. Но убежден, что от нее один вред.

Четыре месяца ездил Онушко в Москву, пытаюсь отстоять свою концепцию банка. Силы были неравны, и с большинством поправок пришлось соглашаться. Но в последнем пункте устава банка записано: «Отдельные его положения будут пересматриваться по мере изменения законодательства СССР». Готовится новый закон о банках. Может быть, при работе над ним будут учтены и проблемы, которые возникли на переговорах Онушко с Госбанком? А было много неожиданного.

Например, когда Леонид сообщил, что «Континент» будет держателем учрежденного Межрегиональной кооперативной федерацией Международного фонда Н. И. Бухарина, воцарилось долгое молчание: к такой новости собеседники Онушко готовы не были. Тем временем средства для фонда уже собираются, в планах его инициаторов — исследовательская и издательская деятельность, выделение именных стипендий, обмен специалистами по теории кооперации с другими странами. Идея фонда и начавшаяся работа пока не подходят под действующие инструкции и стереотипы, потому что существовали эти инструкции отдельно — для денег, отдельно — для производства, отдельно — для идеологии.

Леонид Онушко мало похож на «финансового воротилу», знакомого с детства по карикатурам. Банкир — один из вариантов «образа врага», на котором мы воспитаны. Похоже, что и с этим стереотипом пришла пора расставаться...

Елена Иллеш.

...Илья Петрович Китайгородский, замначальника одного из управлений Минфина, за 40 лет работы в Минфине СССР ни разу не держал

в руках акций, в глаза их не видел и видеть не хочет. Говорит, что в Музее Минфина есть коллекция дензнаков всех времен и народов, а вот акций нет и в помине...

Когда я в конце июля снова приехал в Москву, чтобы попасть на прием к министру финансов тов. Гостеву Б. И. и реализовать поручение Н. И. Рыжкова в части регистрации кооперативного банка, то к самому министру меня, естественно, не пустили. Хитрый чиновник передал, что перепоручил новое сложное дело начальнику одного из управлений, а тот отфутболил к своему заму. Так я попал в руки Ильи Петровича. Петрович оказался милейшим человеком, способным угробить и спустить на тормозах любое дело, но так, что проситель еще и благодарить будет. Он полистал проект устава кооперативного банка «Континент», учреждаемого Автозаводской кооперативной ассоциацией г. Набережные Челны, и для разминки отправил меня на Неглинную в Госбанк к любезнейшему заму председателя тов. Захарову В. С. Через два дня мытарств и дурацких объяснений, чего я все-таки хочу, мне выписали пропуск и я встретился с Вячеславом Сергеевичем. Он тоже с любопытством полистал проект устава и отправил меня в юридический отдел Госбанка к его начальнику, престарелому, убежденному сединами еврею, фамилии которого я так и не записал¹.

Юридическо-финансовое светило взяло кончиками мраморных пальчиков проект устава, долго листало его, затем полчаса штудировало Закон «О кооперации» и пришло к выводу, что начинать надо с Минфина.

— Если будет согласие Минфина, то мы, разумеется, доработаем ваш уставчик и что-нибудь придумаем. Правда, что будет с этим законом через полгода, я вам не гарантирую. Но если вы хотите попрактиковаться в новом деле, так почему бы не побегать с уставом...

Но меня сбить с толку всегда было трудно. У меня уже был опыт многолетних камазовских хождений по Госснабу и Госплану СССР, так что я не долго думая доверительно рассказал юрофину, как месяц назад пил чай с Рыжковым и как тот поручил Гостеву спроворить первый кооперативный банк. Сказал еще, что в Минфине приняли меня очень тепло и прикрепили лично Китайгородского И. П.

После этой исповеди начальник юротдела переменился явно в лучшую сторону. Он позвонил Китайгородскому, которого хорошо знал, и тот, видимо, убедил его, что надо что-то делать, ибо просто так замусолить идею начальники не дадут...

Долго рассказывать не буду. Скажу только, что мог иметь регистрационный № 1, но засуетился, глупо воюя за акционерную форму банка, к которой психологически никто в СССР еще не был готов. Number 1 стал банк «Союз» из казахстанского Чимкента, который зарегистрировал Леонид Соломин², до того не реализовавший свою потенцию в создании независимого профсоюза...

¹ Коган М. Л. — *Прим. авт.-сост.*

² Ошибается — Берик Бектаев. — *Прим. авт.-сост.*

Становление

Первая проблема, с которой мы столкнулись, — это отсутствие начального капитала. Никаких серьезных денег от года кооперативной деятельности у меня и моей семьи не было. В таком же положении находилось и большинство других предпринимателей региона, на кого я мог опираться как на учредителей будущего банка. Первый год — это было ужасно, это был проходной двор, а не банк. Положит человек свой пай в 20 тысяч, а через два месяца забирает...

Уставный капитал 500 тыс. рублей. Учредители банка — МКФ СССР и несколько небольших кооперативов. Ни один из учредителей, включая федерацию, не уцелел в круговерти 90-х.

А второй момент — это проблема кадров. Она может не так остро стоит перед столичными банками, а в провинции это ощущалось десятикратно. Все наши специалисты — необстрелянные выпускники Казанского финансового института. С ними пришлось очень много работать. А если учесть, что и у меня банковского опыта не было и финансовое образование я получал в собственном банке, то все было куда сложнее, чем можно об этом рассказать.

Кроме хлопот, первые пять лет ничего не принесли. Но мне пришлось не только получить вторую специальность, но и приобрести мировоззрение банкира. Это была огромная ломка.

4 мая 1989 года (из дневника). Торчу в Москве. Задерживает Писигин, который с утра до вечера шляется то в редакцию «МН» к Егору Яковлеву, то в журнал «Коммунист» к Отто Лацису, то в «Век XX и мир» к Глебушке Павловскому... Часто берет меня. Ему кажется весомым представлять меня, банкира, своим коллегой и другом. Не раз встречались и с московскими коррами зарубежных изданий, что, как известно, не поощряется... А уж то, что мы не боялись давать им интервью...

Кажется, я уже говорил, что Писигин завел дружбу с американским историком Стивом Коэном, спецом по раннему совку, знатоком Бухарина... Недавно Стив с женой гостили в Челнах... И вот Стив снова в Москве. Вчера он пригласил Валерия и меня (очевидно, для контраста, как экзотический перестроечный фрукт) на лекцию и ужин в американское посольство.

Декабрь 1989 года (из дневника). Истекший год был напряженным и многотрудным. Шло развитие и укрепление банка «Континент», параллельно развивался наш семейный кооператив «Европа».

В конце февраля выдали первый большой кредит — сорок тысяч рублей — одному татарину из Березников (Пермская область). Он собирался смотаться в Баку под 8-е марта самолетом за цветами, продать гвоздики через профсоюзные организации города и вернуть деньги 10 марта. За это мы должны были получить хороший процент. Я не спал эти две недели. Я уже простился и с банком, и со своей свободой, думая, что ри-

скнул напрасно. Каково же было мое приятное удивление утром 10 марта, когда подъехал на «Волге» мой заемщик из Березников и честь по чести вернул кредит с процентами и массой благодарностей.

Должен сказать, что за истекший год мы выдали несколько десятков кредитов, и все они были заемщиками честно и в срок возвращены, за двумя исключениями. Один кооператив из Туркмении все-таки кредит заиграл, а местные правоохранительные органы начихали на наши запросы. Потери составили полторы тысячи рублей. Другой случай произошел с частником из Еревана. Мы ему без всякого обеспечения, практически под честное слово выдали 850 рублей на один месяц для приобретения в наших краях товаров. Однако через пару месяцев выяснилось, что мой экономист Шапиро, получив от милого армянина две бутылки коньяка «Арарат», скурвился и продлил ему кредит на год, то есть подарил эти деньги проходимцу, так как вскоре следы заемщика просто затерялись. Правда, господин Шапиро честно предложил мне одну бутылку «Арарата» из своего гешефта, после чего я, подробно объяснив ему, что он приобрел «Арарат» по 425 рублей бутылка, в то время как в магазине ему красная цена 6 рублей 12 копеек, и уволил его через пятнадцать минут. Мне передавали, что Шапиро очень на меня обижался, считая меня непрактичным жлобом.

Многое делалось как бы по подсказке невидимой доброй силы, возможно, что имя ей — Бог. Вот, например, удивительный случай с золотом, происшедший осенью.

Как-то сию поздно вечером в офисе на Пушкина, 14, когда заходит охранник и говорит, что пришли какие-то бородатые мужики и просят их принять для важного разговора. Время — девять вечера. Хоть и страшновато, но ответил — зови!

Вошли двое. Высокие, бородатые, какие-то не городские, загорелые до коричневости. У одного тяжеленный, хотя и небольшой с виду рюкзак. Я посмотрел на них вопросительно.

— Присаживайтесь! — говорю. — Рассказывайте, с чем пришли...

Оказалось, староверы. Из самой сибирской глуши. Прямо Лыковы да и только. Неведомым способом узнали, что есть на Каме честный банк, и напрямик к нам. Приперли килограммов двадцать самородного золота. Я долго не мог собраться с мыслями, а когда собрался, то терпеливо объяснил достойным господам, что нам еще до лицензии на работу с золотом как до Киева ползком, что в СССР еще никто и не мыслит дать независимым банкам право работы с золотом.

— Так что выходит, — сказал я, — что вам не миновать Госбанка.

— Да уж, — развели руками ходоки, — назад мы свою поклажу не поведем, сюда с большим трудом, осторонью добрались, однако... А и денежки нужны, лекарства в тайгу надо притащить непременно, да и на иные нужды разменять надобно...

Потом через некоторое время я узнал от одного моего знакомого, назову его условно Сергей, что мужики упорно решали поставленную им

Л. Г. Онушко

в тайге задачу. Они добрались благополучно до Москвы, пробились в Госбанк к Виктору Геращенко, хотя и не сразу. Когда их поначалу не пустили, они, преодолев вековую неприязнь к официальному православию, пошли на подворье к патриарху Пимену, который принял их очень хорошо, позвонил Виктору Владимировичу и условился, что мужиков примут и решат их проблему. Не знаю уж, как объясняли сибиряки свою нужду, признались ли, что хотят золото в банк положить и обменять на деньги или как. Но когда они оформили пропуска и добрались-таки до кабинета Геращенко, то он их встретил не один. В кабинете был еще какой-то дядька средних лет незапоминающейся наружности. Причем Геращенко сидел молча, а расспрашивал ходоков именно этот неизвестного звания и положения человек. Лесные люди простодушно рассказали все без утайки. Они попросили разрешить им положить добытое честным трудом золото в банк «Континент», что в Набережных Челнах. Геращенко и его серый человек долго смеялись, говорили, что это несерьезно, таким банкам никогда золотом не придется заниматься, что только Государственный банк СССР может гарантировать сохранность...

Весь год с Писигиным налаживали работу МКФ СССР, ездили по стране, часто бывали в Москве. Я давал много интервью, в том числе иностранцам. Познакомились с десятками интересных людей, завязали связи. Осенью учредили Ассоциацию коммерческих банков СССР, во главе которой стал президент Тартуского коммерческого банка Антс Веэтыусме. Группа москвичей хотела поставить во главе ассоциации безработного совкового «банкира» (ошивался в Росбанке) Сергея Егорова. Его проталкивал Володя Виноградов (Инкомбанк). Но мы, регионалы, победили, и после оглашения результатов голосования команда Виноградова и Егорова возмущенно покинула первый ряд кресел одной из подмосковных баз отдыха и рванула к выходу...

(Из интервью 14.05.90). Общий контроль над нами осуществляет горфинотдел, мы ему соответствующие документы представляем по мере необходимости. Горсовет нашей деятельности не препятствует. Напротив, было решение горисполкома в 1988 году по выделению нам помещения. Возможно, Рафаэль Мингазов, министр финансов Татарии, возвратясь в июне 88-го с заседания Президиума Совмина СССР, рассказал в Казани о моем чаепитии с Николаем Ивановичем Рыжковым и о том, что Н. Рыжков взял под личный патронат организацию первого кооперативного банка, после чего многое удалось решить непривычно быстро... Помещение за нами было закреплено, то есть мы стали в нем работать на правах аренды. Сейчас мы это помещение приобрели у КамАЗа в свою собственность, поэтому проблем с офисом, как у многих других банков, в общем-то нет...

У нас уже не одна сотня клиентов, в большинстве своем они являются одновременно и дебиторами, и кредиторами. Они же держат у нас текущие

и расчетные счета и в этой части являются нашими кредиторами по своим остаткам на таких счетах. В тех случаях, когда они берут у нас ссуды, или получают какие-либо банковские услуги с последующей оплатой, они тогда — дебиторы. Наш банк кооперативный, мы этого не стыдимся и не скрываем. В отличие от некоторых гордимся этим прилагательным. Считаем, что это очень мобильная, прогрессивная форма бизнеса. Кооператоры первыми вошли в прорыв фронта госмонополии. Их всячески поддерживаем. Поэтому основная наша клиентура, это, конечно, кооперативы и демократические общественные организации.

С одной стороны, нас регистрирует Госбанк, этим как бы выдает лицензию на работу, считает нас банками, игнорируя тот факт, что кооперативный банк — это или акционерное общество, или банковский кооператив, поскольку построен на кооперативной собственности. Госбанк подчиняет нас полностью своим многочисленным инструкциям, хочет нас по своему совковому образу и подобию преобразовать, как бы поглотить (или проглотить?), что очень чувствуется в многочисленных письмах, конкретных циркулярах, а с другой стороны, у него иногда наблюдается некоторая ревность и неприкрытое желание создать между нами водораздел. Ну, скажем, недавно нам сообщено, что мы должны убрать из своих печатей гербы Советского Союза, РСФСР, кто такие гербы поставил. Убрать с бланков слово «Госбанк» (на своих бланках мы пишем слово «Госбанк», а затем, какой конкретно банк). Это непонятно. Если мы действительно банк и входим в систему банков, что неизбежно при одном центральном банке, то, стало быть, мы, обслуживая любых клиентов Советского Союза, должны иметь право на герб этого Союза, республики, региона, но если это не так, то тогда с какой стати мы подчинены Госбанку? Тогда мы должны иметь возможность делать свои внутренние инструкции по отдельным операциям, по распоряжению своими функциями и т. д. Почему же мы подчинены ГБ, как и раньше его филиалы, если мы самостоятельны? Или провозглашаемая ныне альтернативность негосударственной экономики кажущаяся?

Почему мы поставили слово «Госбанк» на бланке? Дело в том, что, между прочим это было 1,5 года назад, мы консерваторы в некотором смысле. С одной стороны, это была попытка сделать банк более солидным для клиентов, привыкшим за годы советской власти к одному-единственному банку, показать, что мы все-таки банк, а не какая-то контора. То есть, учитывая специфику нашего общества, нашу массовую психологию, поклонение авторитетам, мы на это дело пошли сознательно...

С другой стороны, на это дело нас нацеливал сам порядок организации новых банков: раз нас, наш устав регистрирует Госбанк, то он своего рода учредитель, а если больше нравится — родитель. И хотя у нас у каждого есть конкретные учредители, но тем не менее верховенство Госбанка несомненно. Поэтому, учитывая сие обстоятельство, мы считали логичным писать вверху всех наших бланков «Госбанк СССР», а уже ни-

Л. Г. Онушко

же конкретно реквизиты конкретного банка. Тем более что конкретное повседневное руководство над нами возложено на конкретные местные отделения или управления Государственного банка, то есть актом регистрации приятное общение не исчерпывается. С нас берут ежемесячные отчеты, буквально засыпают циркулярами и так далее. Всевозможными запросами, проверками жалуют довольно часто. Причем относятся при этих проверках в полной мере как к отделению Госбанка, без всяких скидок на нашу специфику и иные «социальное происхождение» и «классовую принадлежность»...

На жизнь я смотрю оптимистически. Нам, чтобы выжить, ничего другого не остается...

10 мая 1990 года (из дневника). Вернулся с В. Писигиным из Эстонии. Там, в Таллине и в Тарту, проходила 2-я конференция Ассоциации коммерческих банков СССР. Антс Веэтыусме подал в отставку с поста президента АКБ СССР. У него самого Тартусский коммерческий банк, много хлопот и вообще они, прибалты, упорно рулят на отделение, так что его просьбу уважили. Избрали Юру Агапова, основателя «Кредобанка».

Последние два дня гостили в деревне Антса. У него прекрасный 2-этажный особняк, все, кто к нему поехал, разместились вполне сносно...

В числе прочих новичков в АКБ вступил камазовский КАМИНбанк, его президент Федосеев ранее был замом Л.М. Фета, когда тот возглавлял финуправление КамАЗа. Он очень тепло поговорил со мной, видимо, сказалося то, что меня вновь избрали в Совет АКБ...

Писигин неплохо выступил, я познакомил его со многими крупными банковскими фигурами, но приняли его слабо, банкиров сейчас еще политика не интересует, пока что деньги, деньги, деньги...

24 мая 1990 года (из дневника). Вчера в «Литературной газете» вышла большая статья Алексея Черниченко (сын уважаемого мною «шестидесятника» Юрия Черниченко) о банке «Континент» и об ареале этого банка. Я воспринял эту публикацию как приятный подарок к моему 55-летию. Привожу выдержки из статьи:

«У нас нет иного выхода из кризиса, кроме демократизации жизни, включающей в себя многообразие форм собственности, переход к рыночным отношениям и гуманизацию этого процесса. Этот процесс набирает силу, но его необратимость может обеспечить только оформление демократического слоя, способного материализовать идеи перестройки: не спонтанное скопище радикалов, а отдельные люди и коллективы, перешедшие в новые экономические отношения, обретшие в связи с этим новый статус, статус свободного производителя... Демократический слой осуществляет социалистическое накопление общественного капитала... Под ним мы понимаем совокупность индивидуальных капиталов...

Индивидуальный капитал — то чем владеет, пользуется и распоряжается человек... Это основа свободного существования самой личности. Индивидуальный капитал — это обретение движения, преодоление статичности личностью. Когда Бухарин призывал: «Обогащайтесь, накапливайте, развивайте...» — имелось в виду именно это».

(Из статьи Валерия Писигина, политорганизатора клуба им. Бухарина в Набережных Челнах (бывший гор. Брежнев), президента Межрегиональной кооперативной федерации, бывшего до 1988 г. дежурным слесарем химцеха и названного в предпоследнем «Огоньке» Аллой Боссарт провинциальным политиком, дилетантом и, собственно, бездельником, однако несмотря на это, собирающегося 23 мая с. г. сдавать первый «гос» в Казанском университете.)

...Елабуга... По воскресеньям закрыт рынок и негде купить цветов, чтобы положить на могилу Цветаевой.

Не закрыт только дом, в котором повесилась Цветаева. Там живут. На углу его, обшитом досками, дощечка: «Здесь провела последние дни...»

Писигин вдруг сказал, глядя на стену кухоньки: «Анна Георгиевна, в Набережных Челнах есть политклуб имени Бухарина. Я его организовал в восемьдесят втором году, когда вступил в партию, и Бухарин считался ее врагом. Сейчас у нас все легально, я еще президент федерации кооперативов, и мы создали фонд Бухарина на их средства, платим из него бухаринские стипендии студентам-журналистам, премии даем раз в год. Худенко посмертно ее присудили, а Травкин отказался получать, сказал, что могут истолковать как взятку от кооперативов. Вы их не знаете, неважно, просто мы хотим бороться с нищетой и темнотой. Мы сейчас с вами подпишем трудовое соглашение: наш фонд берет попечительство над мемориальным домом, а вы будете хранительницей, и мы будем вам платить сто рублей в месяц, и с ремонтом поможем».

«Так у меня пенсию отберут», — сказала хозяйка.

«Не отберут», — сказал президент.

«А делать что?» — спросила хозяйка.

«То же самое — пускать, показывать. Только мы вот тут бумагу повесим, что наш фонд попечитель. К вам, Анна Георгиевна, хоть и странные люди ходят, но хорошие. Надо им про нас знать».

Хозяйка продумала всю ночь. В понедельник, 14 мая с. г., договор № 7/2 был подписан. Онушко его одобрил.

Леонид Григорьевич Онушко председатель правления межрегионального кооперативного банка «Континент». 51% уставного капитала банка составляют вклады членов федерации, возглавляемой Писигиным. Это значит, что федерация и ее президент контролируют политику банка. Фонд Бухарина входит в 51%. Уставный капитал «Континента» — полмиллиона рублей.оборотный с привлеченными средствами — шесть миллионов.

Л. Г. Онушко

С утра в понедельник ваш корреспондент уселся в приемной Онушко наблюдать политику банка, то есть смотреть, кого и на каких условиях он соглашается кредитовать.

Два высоких, красивых молодца Слава и Сергей, 32 года, 28 лет, оба шоферы-профессионалы. Третий месяц бьются, пытаются купить каждый по КамАЗу. «Хотим работать свободно и зарабатывать. Первое время, конечно, придется вкалывать только на банк — возвращать кредит. У КамАЗа госцена четырнадцать тысяч рублей, нам завод продает по 72 тысячи. Пять с лишним номиналов.

Куда уж чернее рынок, но все по закону — мы же классовые враги, вот нас и душат в зародыше. Вы поймите, не в том дело, чтоб мы слишком идейные были, но обидно — все порты на Волге и Каме забиты грузами, а в магазинах пусто. Блокада, саботаж или бардак — какая разница. Мы купим грузовики и будем возить».

Онушко объясняет — банк поможет парням достать грузовики, но предоставит их по лизингу — машины будут собственностью банка до уплаты последнего рубля клиентами-должниками. Банку нужна гарантия, ведь закона о банкротстве у нас нет.

Двое пожилых технарей с чертежами создают в Набережных Челнах кабельное телевидение. Просят ссуду на вот такую — чертеж — мудреную антенну. Ну что ж, дело доброе, процент кредита будет божеский...

И, наконец, нечто inferнальное: входят двое цыган. Старшему семьдесят два, фронтовик, командовал взводом армейской дальней разведки, таких «языков» крал в глубоком тылу и уводил неслышно, как коней!.. Доказательства на синем габардине костюма: только орденов Славы — три штуки, прочего не счесть, что там Будулай! Второму лет сорок — племянник первого, барон цыганского табора по имени Милорд. Онушко наслаждается моей реакцией. Собственно, табора больше нет — с прошлого года они оседлые, не кочуют, не гадают, не воруют: зачем просить позолотить ручку, если руки золотые! Онушко помог кредитом, они построили металлоцех: кузнецы, медники, сварщики — нет отбоя от заказов, золотое дно. Кооператив назвали «Састри», это по-цыгански «металл». С грамотешкой плоховато, и в случае не только финансовых затруднений они к Онушко, как к отцу родному. Сейчас вот о чем. Оседлость породила в таборе проблему молодежной ну не преступности, барон суров, но дури, в общем «шляться начали — плохо». Онушко зимой посоветовал: Милорд, возьми ссуду, я тебе помогу достать им инструменты. (До банкирства больше десяти лет Онушко был на КамАЗе снабженцем, где что у нас лежит, ему известно, равно как и то, что хорошо у нас не лежит ничего.) Так вот, клюнули цыганские тинейджеры на банкирскую придумку — репетиции шли чуть ли не круглосуточно, шляться забыли, а теперь такие мастаки, что барон хотел бы зарегистрировать молодежный ансамбль как самостоятельный кооператив — пусть выступают, да райисполком артачится. «Неужто так быстро наловчились?» — сомневается Онушко. «Григорич, да они ж цыгане, — сказал барон, — ты бы взглянул!..»

Онушко взглянул на часы и на меня:

«А что? Все равно обед сейчас. Айда к цыганам, а?»

И было чудо: пацаны прямо из кузни, еле ополоснувши руки и щеки, взяли электрогитары, синтезатор, один воссел перед связкой барабанов, другой схватил микрофон — и вдруг повели так, такое, а потом рассыпали-разлили на два голоса, на три, а потом девичьи голоса влились, и наконец встал старик, скинул габардиновый орденосный пиджак, хлопнул в ладони («На ноги смотрите», — успел крикнуть нам барон) и вдруг оторвался от пола — и повис над ним, как в невесомости, и только касался его то каблуком, то носочком, отбивая немислимое чечеточное соло — и сел потом снова к столу, не запыхавшись, кивая в такт.

Мы мчались назад, в Челны, — самое удивительное, что успевали к концу обеденного перерыва, все это было, как в мгновенном чудном сне, — и я слушал Онушко.

...При клубе Бухарина есть видеолaborатория — они снимают свои заседания, интересные встречи — Стивен Коэн к ним приезжал, например, — так пусть снимут цыганский ансамбль, чем не программа для будущего кабельного телевидения, и разве плохо будет ее посмотреть инвалидам в будущем реабилитационном центре...

Ваш банк, сказал я ему, это самая настоящая партия. Вы объединяете людей в делании добра без уставов и лозунгов. Если вы спасете дом Цветаевой, воскресите кусочек цыганской культуры, поможете калечным — что может быть лучше? Какая еще политика нужна, зачем этот треп? Может, прав «Огонек» — этой самодеятельной политике, в отличие от вас, не хватает дела?

— Так я же при них, — ответил Онушко. — Если бы Писигин не организовал федерацию, у банка не было бы капитала. Завтра вы летите вместе до Москвы, а он потом дальше, в Красноводск — тамошний регион собирается, он будет выступать, убеждать, вербовать. Доброму делу нужны капиталы.

Набережные Челны.

Алексей Черниченко.

«Люди из бывшего Брежнева» // Литературная газета. 1990. 23 мая.

17 июня 1990 года (из дневника). Вчера прилетел из Москвы. На борту прекрасного речного двухпалубника провел пять дней (с 11-го по 15-е) как участник Межрегионального симпозиума о роли индустриальных кооперативов в экономическом и индустриальном развитии, проведенном ЮНИДО (United Nations Industrial Development Organization). Совершили чудный круиз из Москвы по каналу, Рыбинскому морю с заходом в старинные городки и с фуршетам на природе, когда причаливали прямо к лесным полянам. Сервис оказался добротным, но не навязчивым, и наш симпатичный симпозиум удался.

Несколько человек, и я в их числе, представляли Ассоциацию коммерческих банков СССР.

Мне повезло, я оказался в одноместной каюте. Подружился с Бахытбеком Рымбаковичем Байсеитовым, руководителем Алма-Атинского коммерческого банка «Центральный», очень интересным человеком. Правда, новый казах не просыхал все пять дней, а что касается ночей, то заперся в своей каюте каждый раз с новой девицей, что в его молодом возрасте извинительно. Я в его года (до 30-ти) вел себя еще более беспутно. Однако когда однажды вечером он сел за рояль в носовом холле и превосходно заиграл нечто классическое, сбежались все иностранные участники симпозиума, а наши оторвы прекратили выкобеливаться под нервные ритмы и очумело уставились на Бахыта...

От наших неожиданно глубоко выступил в одном из заседаний Марк Масарский, причем, к чести новых русских, по-английски. Правда, наукообразные рассуждения г-на Л. Абалкина походили на плохо подготовленное домашнее задание. Да и неудивительно. Как может человек, отдавший десятки лет обоснованию политэкономии социализма, искренне обосновывать прогрессивность кооперативов.

Никто, что знаменательно, не затронул проблему развития кооперативных банков как финансовой подпорки любых кооперативных форм, ну и ладно, видно, рано... Я в бой с фундаментальной советской наукой не полез, хотя и задал пару ехидных вопросов. Неплохо выступил Павел Коровко с сообщением «Кооперативы в условиях новой налоговой политики». Он привлек внимание к недавнему Указу о повышении налогообложения кооперативов как примеру привычной лжи большевиков — Закон «О кооперации» гарантировал, что, по крайней мере первые пять лет, налоги на кооперативы пересматриваться в сторону повышения не будут. Куда там! Давай, дави их, кооперативщиков проклятых!..

9 октября 1990 года (из дневника). В Совинцентре на Краснопресненской набережной 12 (в Центре международной торговли) вчера угробил целый день на семинаре «Фондовые биржи и их роль на финансовых рынках». Обед в ресторане «Русский» был довольно приличным. Семинар для меня неактуален, и я на второй и третий день не остался.

10 февраля 1991 года (по памяти). Вернулись с Алексеем Калачевым из Австрии, где пробыли две недели на семинаре, любезно организованном Национальным банком Австрии. Ездили по служебным загранпаспортам КамАЗа.

Когда мы вылетали из Наб. Челнов 25 января в пятницу, то Павлов как раз объявил об обмене денег, конкретно 50- и 100-рублевки. Утром мы вышли как обычно на работу, но по радио и телевидению объявили решение правительства о денежной реформе. Вся страна впала в транс — как менять, как обойти ограничения и т. п. Мы сняли кассу, опечатали сейфы и стали обсуждать, как помочь клиентам, непрерывно обрывавшим телефоны, спасти их вклады. Решили никаких заумных схем не применять,

выждать развития событий. Тем более ничего не стоило обсуждать по телефонам, которые наверняка прослушивались. Вдруг очередной звонок нас очень рассмешил. Звонили из горотдела КГБ и расспрашивали, где мы располагаемся. Оказывается, они собрались ехать к нам с проверкой. Вскоре они подъехали и сразу побежали к сейфам. Приказали принести всю документацию для проверки и приостановить банковские операции. Конечно, всю (!) документацию им было не осилить, я дал команду, и им принесли килограммов двадцать разных балансов и отчетов, в которые гости тотчас с умным видом и углубились.

27 января прилетели в Вену и на маршрутном такси отправились в город. Всего нас из СССР было человек десять, во главе, конечно, две или три тетки из Госбанка СССР. Никого уже, увы, не помню. Только запомнилось, что была какая-то экономистка из Ленинградского инновационного банка Саши Агаяна, который мне позвонил и просил установить патронаж над этой дамой, которая оказалась очень самостоятельной особой, не нуждающейся ни в чьей опеке.

...У меня была с собой тысяча долларов и сколько-то гринов было у Калачева. Я как раз за пару недель до поездки, готовясь к ней, съездил в Таллин к Саше Канючке и выменял у него две тысячи баксов по неплохому курсу два рубля/доллар. В Москве еще не было возможности быстро и официально обменять рубли на валюту, хотя весь город фарцевал и баксы можно было купить у каждой «Березки», у крупных гостиниц или прямо на улице Горького у Центрального телеграфа.

...Прилетев в Вену, бродили по центру часа два, пытаюсь разыскать Национальный банк Австрии методом тыка. Разыскали его в середине дня. Долго ходили вдоль фасада, который не был даже огражден забором... Наконец, сообразили подойти к парадной двери. Никакая охрана не выскочила крутить нам руки. Но к нашему удивлению над головами раздался голос из скрытого репродуктора и чего-то начал объяснять по-немецки. Одна из госбанковских дам как-то сумела понять, что нас приглашают войти внутрь. Мы приблизились к массивной двери, прикидывая, скольким из нас придется ее одновременно толкать, как вдруг она сама гостеприимно распахнулась и мы беспрепятственно вошли внутрь. В большом холле не оказалось не только охраны, но и персонала. Мы стали дико озираться, не понимая ситуации. Но сверху из ангельских высей тот же спокойный голос продолжил наше просвещение по-немецки. Кое-как мы уразумели, что надо пройти в помещение направо и зарегистрироваться. Наша группа еще не собралась, оказалось в наличии человека три из соцлагеря, кажется из Чехословакии и Польши. Мы зарегистрировались часа в два, попили кофе, приготовленного хозяевами в больших термосах, и до намеченного на 18:00 часа отъезда пошли погулять по Вене.

В половине шестого мы вернулись... Вовремя подошел шикарный автобус, и вот уже мы мчимся по ночной Вене в Альпы в маленький городок Альтензее, это примерно в 230 км от столицы.

Л. Г. Онушко

Неделя в превосходной гостинице, где мы и жили и обучались, пролетела в одно мгновение. Кроме оригинально построенных занятий и вечернего сидения за пивом запомнилась экскурсия в Зальцбург...

Утром в субботу нас погрузили в автобус и повезли в Вену для отправки домой. По дороге мы разговорились с главным куратором нашей группы и выяснили, что на следующий заезд у него недобор несколько человек и он может нас двоих оставить еще на неделю. Все формальности с пребыванием он берет на себя, но с одним «но» — ночь на воскресенье нас пригреть ему негде. Мы, конечно, сразу же согласились, решили, если посольство не поможет, по советской привычке перекаптоваться на вокзале...

...в посольстве дали нам адрес гостевых апартаментов Donau-bank — одного из совзагранбанков, оперирующего в Австрии.

...Апартаменты представляли собой целый подъезд четырехэтажного дома — несколько больших квартир, оборудованных всем необходимым. Мы расположились, кажется, на третьем этаже. Квартира оказалась многокомнатной, с двумя ванными комнатами и несколькими спальнями и гостиной. Опять же кухня в стиле «загнивающего капитализма»...

Алексей сразу приклеился к огромному телевизору, а я к другому... Мы знали из газет, что в СССР кипела павловская денежная реформа, а весь остальной мир, судя по десятку телепрограмм, ничего про это не знал и вел себя беззаботно и беспечно...

...Набравшись венских впечатлений, снова зарегистрировались в Национальном банке Австрии и знакомым автобусом умчались еще на одну замечательную неделю в Альтензее...

Ноябрь 1991 года (из дневника). Валера Писигин привез из Москвы десяток номеров журнала VIP № 2 (отпрыск журнала Megapolis). Там Максим Кранс, с которым меня как-то в позапрошлом году познакомил тот же Писигин, проникся симпатией к тому, что мы делаем в «Континенте», и (под псевдонимом Максим Андреев) напечатал статью о нашем банке. Но не удержусь от пары замечаний.

Вообще же в VIPе знакомые все лица. Соиздатель — банк «Столичный», стало быть, Александр Смоленский. А на первой странице так вообще анонс — ИМЯ ЛИДЕРА — МЕНАТЕП. Далее читаем откровение:

Большинство наших сограждан недоверчиво относится к любому упоминанию о МЕНАТЕПе — первой в СССР ассоциации коммерческих банков... Сегодня МЕНАТЕП — лидер в советской финансово-кредитной системе. В состав ассоциации входят 18 коммерческих банков, 2 страховые компании и свыше 30 предприятий. Годовой оборот в 1990 году превысил пять миллиардов рублей, что составляет свыше 10 процентов оборота всех коммерческих банков СССР.

Новое поколение советских банкиров имеет важное преимущество перед своими предшественниками, которые заняли свое положение в основном благодаря анкетным данным, родственным связям и партийным заслугам.

У новых банкиров — другие козыри. Большинство из них — высококвалифицированные инженеры и ученые, обладающие всеми данными для того, чтобы сделать карьеру в зарождающейся рыночной экономике. Они молоды (что совершенно непривычно для советского хозяйственного аппарата) и готовы ради успеха пойти на оправданный риск.

Установив прочные связи с Государственным банком СССР и экономическими институтами Академии наук, эти финансисты получили доступ к обширной информации о советском и мировом рынках, что позволило им сформировать уникальный банк данных.

Лучшие советские умы в области экономики и кредитных отношений пришли работать в МЕНАТЕП...

Здесь все — кокетливая ложь. Михаил Ходорковский — бывший комсомольский функционер, как раз из тех, кто занял при совке приличное положение в основном благодаря анкетным данным, родственным связям и партийным заслугам.

Он и его команда получили доступ к обширной информации благодаря ученым-марксистам вроде академика Леонида Абалкина, которые ничтоже сумняшеся продали комсомольцам-предпринимателям закрытую служебную информацию.

Что касается упоминания о якобы первой в СССР банковской ассоциации под эгидой МЕНАТЕПа, то общеизвестно, что первой в 1989 году создавалась Ассоциация коммерческих банков СССР, в которую вошло несколько сот банков, то есть подавляющее большинство. Ходорковский не пожелал быть в ней на вторых ролях и попытался создать нечто свое, карманное. Но создал не ассоциацию, а обыкновенный холдинг, о чем стесняется в этом номере журнала сказать...

Очерк о «Континенте»: «Внесистемный» Онушко... заканчивался так:

Как это ни парадоксально, именно на таких, как «внесистемный» Онушко, держалась и держится Система. Именно благодаря им все еще продолжают крутиться шестерни доставшегося нам в наследство громоздкого и неэффективного хозяйственного механизма. Правда, сам банкир категорически не согласен с таким утверждением.

— Выходит, я работаю на Систему? — восклицает он. — Я поддерживаю новый класс предпринимателей и беру на себя ответственность за тех, кто незащищен перед произволом властей. Я счастлив, что нужен другим. Что моя жизнь наконец-то обрела смысл....

Март 1992 года (из дневника) ...пришлось заниматься расчисткой тупика, в который загнал банк проходимец Кухарь. Ситуацию проясняет приказ тех времен:

По брокеру Кухарю А. А.

10 февраля 1992 года

В октябре 1991 г. клиент Банка брокер Кухарь А. А. допустил использование не полностью обеспеченного чека лимитированной книжки через организацию «Ремекс», обслуживаемую Волжско-Камским банком г. Казани, принятого ВКБ ошибочно к оплате, что привело к образованию на балансах двух банков фиктивных активов в особо крупных размерах.

Упомянутые участники взаимных перегонов этих сумм могли, в случае успеха задуманного, вовлечь в незаконный оборот и, возможно, присвоить за счет банков созданный ими «воздух».

МНБ «Континент» своевременно прервал цепь взаимных перебросок фиктивных сумм, заморозил лимитированную книжку Кухаря А. А. и предпринял меры по аннуляции необоснованных операций. Однако участники авантюры сумели изъять из двух банков до 30 млн руб. и пользоваться ими как кредитными ресурсами до 1 февраля 1992 г. После полного возврата средств банки смогли в начале февраля т. г. привести в соответствие расчеты.

В результате авантюрных, граничащих с преступлением действий «Ремекса» и Кухаря А. А. банки могли потерять ликвидность, неоднократно были на грани неплатежеспособности и банкротства.

В связи с изложенным приказываю:

Применить к брокеру Кухарю А. А. за весь период необоснованных расчетов удвоенную (один рубль с тысячи рублей всех проводок) комиссию в качестве дисциплинарной меры и в порядке частичной компенсации потерь Банка от потери ликвидности и возможного банкротства.

Взыскать с Кухаря А. А. за незаконное пользование кредитными ресурсами Банка в размере 30 млн руб. по максимально разрешенной в 1991 г. кредитной ставке 25% годовых за срок с 12 октября 1991 г. по 31 декабря 1991 г. и по ставке 48% годовых с 1 января по 1 февраля 1992 г.

Предложить Кухарю А. А. перейти на обслуживание в другой банк.

Передать данные на Кухаря А. А. в АРБ как на клиента, не заслуживающего доверия, для внесения во всероссийскую картотеку.

Ввиду отсутствия прямого ущерба Банку дело в правоохранительные органы не передавать.

Гл. бухгалтеру Фардеевой Г. К. в срок до 15 марта т. г. подготовить предложения по недопущению подобных случаев в будущем.

Конечно, лапидарность приказа скрывает настоящую драму — банк висел на волоске. Народ учуял, что на руинах СССР можно безнаказанно помародерствовать. Ничего не бояться, а уж о совести и говорить с такими как бы неприлично...

В середине марта ездил в Пятигорск на IX межрегиональную кооперативную конференцию МКФ. Там же попутно поработали с Пятигорской

международной (!) товарно-фондовой биржей. Банк получил сомнительную честь быть одним из главных учредителей биржи. Но мне кажется, а интуиция меня редко обманывает, что «кина не будет», поскольку возглавили биржу местные партначальники, оставшиеся после краха КПСС не у дел (секретарь горкома КПСС Юрий Викторович Васильев и не менее крупный местный партократ Иван Иванович Никишин, правда, довольно способные перевертыши).

Располагались мы в пятигорской гостинице «Интурист». В первый же вечер спустились ужинать в гостиничный ресторан на первом этаже. Запомнилось, как Валера Писигин вышел в оркестр и попросил у лабуха гитару. И удивил публику и нашу делегацию очень недурной импровизацией, которую оркестрик тут же развил и обогатил нюансами...

Зрелость

Финансовое положение банка укреплялось, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1991 году дивиденды пайщиков составили 33% от вкладов. На счетах 400 клиентов «Континента» было более 8 млн рублей. Отделения банка работали в Ульяновске, Казани, Таллине, готовились к открытию филиалы в Елабуге и Москве...

Я тогда считал, что основная задача банка — накормить горожан. А для этого надо «идти от земли», то есть профинансировать всю цепочку: фермер — перерабатывающие предприятия — магазин. Сотрудники «Континента» активно разрабатывали это направление: кредитовали крестьян, помогали закупать оборудование для переработки сельскохозяйственной продукции, поддерживали изобретателей, специализирующихся в этой области...

11 апреля 1991 года решением общего собрания учредителей и пайщиков банк был преобразован в акционерное общество закрытого типа. 10 декабря того же года преобразован в ОАО.

Такое увидишь нечасто. В центре города, в здании по улице Матросова, 16, работает банк. Обслуживаются клиенты, совершаются расчетные операции. Но если вы обратитесь в официальные органы власти Ульяновска, то вам скажут, что такого банка в городе нет. И это действительно так. Больше года на родине Ильича работает коллектив банка «Континент», который «прокручивает» капиталы своих клиентов через расчетные счета, содержащиеся в одноименном банке в Набережных Челнах. В Ульяновске у этого коллектива есть прекрасное помещение, все условия для работы, но... в конторе Росцентрбанка по Ульяновской области не желают открывать корреспондентский счет «Континенту». О судьбе ульяновского «Континента» я и прошу рассказать подробнее его управляющего Венеру Парфентьеву.

— О, это очень длинная история, — предупреждает Венера Гиреевна. — Я была начальником планового отдела Жилсоцбанка Ульяновска. Имела хорошие перспективы. Но тут появились мои «злые» гении: бывший

Л. Г. Онушко

заместитель председателя Засвияжского райсовета города Ульяновска, а ныне президент Ассоциации бирж «Волга» Серюбин и президент Межрегионального народного банка «Континент» Онушко. Они предложили стать хозяйкой своего дела в этой жизни, то есть организовать и открыть здесь филиал «Континента»...

Скажу попутно, что за прошедший год я стала во многом другим человеком. Я стала совершенно независимой в суждениях и поступках. Никогда не отличалась особым чиновничеством, а тут избавилась от него совсем. И не только к своим бывшим начальственным коллегам. Я уважаю закон, права, обязанности, в остальном все для меня равны...

Вообразите: банковская «номенклатура», выпестованная и обласканная, отказывается от перспектив и квартиры, и уходит в предпринимательство. С точки зрения этих чиновников, мой добровольный поворот в судьбе — вызов.

Следовательно, одна из причин мытарств Ульяновского банка «Континент» перед вами, имя ей Венера Парфентьева и ее нежелание поступиться собственной самостоятельностью.

Теперь приготовьтесь к восприятию многочисленных преград, чинимых нам с первых дней. Разговор с Серюбиным и Онушко у меня состоялся 14 ноября 1990 года. А через три или четыре дня мы подали документы в ульяновский Росцентрбанк. Его управляющему Давыдову положено было лишь дать команду и открыть нам корреспондентский счет. Но Виктор Васильевич, по меркам госсистемы являющийся большой фигурой, был, видимо, до глубины души оскорблен тем, что кто-то принял решение, с ним даже не посоветовавшись. И он отказался сделать то, что положено, под чисто демагогическими доводами: что нам здесь не надо никаких других банков, кроме тех, что есть. Он даже выступал в печати и, ища поддержки у народа, сетовал, что в Ульяновск пытаются проникнуть «чужаки», чтобы выкачивать отсюда денежные средства и вообще всячески вредить. В то же время не без ведома, более того, при прямом участии Давыдова «чужаки» проникали. Открылся филиал «Инкомбанка», «Ульяновский коммерческий банк». Открылся даже кооперативный банк «Симбирск». Это дало Давыдову против нас еще один довод: мол, и без того в городе достаточно альтернативных банков.

Мы тоже пытались нажимать, обращались в Москву. Там нас поняли, и столичный Росцентрбанк рекомендовал Давыдову открыть корреспондентский счет «Континенту»... Целый час с Виктором Васильевичем по телефону разговаривал президент Ассоциации российских банков Егоров. Убеждал, доказывал — бесполезно.

В конце концов мы обратились в арбитраж. Арбитраж принял удивительное и по форме, и по сути решение: «О нецелесообразности открытия корреспондентского счета...» Казалось бы, какое дело арбитражу до целесообразности? Но если встать на позицию давыдовых, то все понятно: как же еще запретишь, если закон не на твоей стороне?

Поняв, что филиал открыть не удастся, мы решили открыть самостоятельный кооперативный банк «Континент». Тут и Давыдов понял, что все его возможности «не пущать» исчерпаны. К делу подключился облизполком, и начался следующий этап борьбы. При мне из облизполкома позвонили в ведомство Давыдова и попросили изложить причины, по которым наш банк до сих пор не открыт. Там «проявили характер» и потребовали официальный запрос на бланке. Из облизполкома дали официальный запрос на бланке. Получили ответ, подписанный заместителем Давыдова, Раисой Михайловной Кузьмичевой.

О, это не ответ, а шедевр чиновничьего творчества. Вы не сможете его оценить по достоинству, если не будете знать того, что я вам сейчас расскажу. Один из крупных клиентов нашего банка — малое предприятие «Континент». У него своя боевая судьба. В прошлом году сначала при пресловутом обмене купюр были арестованы, как незаконно добытые, паевые вклады населения в это предприятие. Его генеральный директор Ильдар Тукаев с большим трудом, потеряв четыре тысячи рублей на выплатах людям процентов с этих вкладов, выручил деньги. Затем предприятие прошло через сито проверок различных налоговых инспекций города. Они выставили много претензий, но все их Тукаев и его бухгалтер с документами в руках опровергли.

Но Кузьмичевой ведь необязательно писать, чем закончились все эти аресты и проверки! И она пишет просто, придавая письму соответствующую тональность, что банк «Континент» хочет открыться предположительно для одного клиента, то есть малого предприятия «Континент», а по имеющимся сведениям у малого предприятия «Континент» есть серьезные нелады с законом. В подтверждение приводятся «факты» прошлого года. Таким образом, нас эффектно запускали по длинному кругу хождений по кабинетам, где бы нам пришлось доказывать, что все перечисленные причины — откровенное вранье. Не удержалась Раиса Михайловна, чтобы не сказать опять же и о том, что в городе достаточно открыто альтернативных банков. Сегодня это звучит совсем подло, потому что уже после ответа в облизполком в Ульяновске возник филиал банка МЕНАТЕП.

Ходить по кругам, однако, не пришлось. Государственные мужи в Москве затеяли известный путч, чем помогли демократическим силам избавиться от мощной государственной структуры под названием «КПСС». Неожиданно это сыграло на руку давыдовым. В свое время малое предприятие «Континент» упорно искало помещение для себя и для банка. Нашло его в здании архива обкома компартии. Туда нас тоже сначала не пускали, но когда МП пообещало взять на себя ремонт и некоторые другие услуги, был составлен арендный договор, мы вселились. Сразу после путча мы оказались перед закрытыми дверями: здание опечатали. Мы, конечно, доказали, что ни в каком родстве с обкомом партии не состоим, и нас к самим себе впустили.

Но вскоре мы получили уведомление, что, поскольку имущество обкома перешло в распоряжение облизполкома, арендный договор с нами новые

Л. Г. Онушко

хозяева считают недействительным. С того момента и до сей поры мы пытаемся доказать ту законную истину, что арендный договор может быть расторгнут кем бы-то ни было и при каких угодно обстоятельствах только при нарушении его условий. Дело опять дошло до арбитража... Уже на центральном железнодорожном вокзале города приезжих встречает плакат, предупреждающий, что «Ульяновск — важный центр пропаганды Ленина». Может быть, в этом разгадка? Может быть, жители города не приемлют кооперацию и предпринимательство, считая отечественных бизнесменов искажителями идей Ленина, разрушителями нормальной жизни, и, в какой-то степени, это вынуждает давыдовых конфликтовать с законом и здравым смыслом?..

Сергей Исичко.
«Текущие проблемы несуществующего банка».
Еженедельник «Континент», 1992, № 2(49).

Конец декабря 1992 года (из дневника). Хочу рассказать детективную эпопею перевозки наличных денег из Москвы в последние дни года. 23 декабря в сопровождении своего верного референта Лены Сухановой поехал в Москву, где по моей договоренности с Владимиром Виноградовым надо было получить в Инкомбанке 30 млн рублей наличными и сдать их в банк «Деловая Россия» для зачисления на счет «Континента». Мы в то время через ряд московских банков подторговывали наличными денежными ресурсами.

25-го в пятницу с утра за деньгами поехал управляющий нашим московским представительством Сергей Острейко. Имелось в виду, что он получит деньги и инкассаторской машиной Инкомбанка отвезет их в «Деловую Россию».

Днем у меня были назначены переговоры в ресторане «Прага», чтобы разобраться в делах за солидным то ли поздним завтраком, то ли ранним обедом. Переговоры прошли основательно, и мы вышли к бульварному кольцу где-то в половине третьего. К нам стремительно побежал человек, в котором мы узнали раскрасневшегося Сережу Острейко.

Оказалось, что хотя он и получил в Инкомбанке условленную сумму, но сдать ее в «Деловую Россию» не смог, так как те почему-то не захотели брать деньги с упаковкой Инкомбанка. Сергей взволнованно указал нам на стоявшую невдалеке инкассаторскую машину Инкомбанка, в которой и лежали наши 30 миллионов. Касса Инкомбанка уже закрыта, а инкассаторы злятся и требуют выгрузить деньги хоть на улицу, поскольку их рабочий день вскоре заканчивается...

Посоветовавшись, остановились на варианте, предложенном Володей Финогеновым. Он позвонил своему другу, работавшему вроде бы в охране Кремля, чтобы тот немедленно приехал к «Праге» на своем «Запорожце». К счастью, друг оказался на месте и обещал вскоре приехать. Пока Сережа успокаивал злых инкомбанковских инкассаторов, подъехал и Володин друг.

У меня немного отлегло от сердца, когда инкассаторская машина и две наши машины поехали на окраину Москвы искать уединенное место, чтобы перегрузить деньги и расписаться друг у друга в бумагах. Я и Лена попрощались с Сашей Канючкой и поехали на метро в АРБ, где мне надо было узнать последние банковские новости у Сергея Егорова. Условились, что Володя с Сергеем на «Жигулях» и кремлевским охранником на «Запоре» перегрузят деньги в наши машины и мы все через два-три часа встретимся на квартире у Володи. Ситуация крайне опасная, но никакого другого выхода мы не придумали.

Потом, как вечером рассказал Володя, произошла первая леденящая душу история. Инкассаторы и наши машины поколесили по Москве и нашли-таки какую-то стройплощадку, где и начали перегружать деньги. Смеркалось. Работа оказалась не из быстрых, потому что денег была уйма, поскольку вся сумма выдана мелкими купюрами — трешки, пятерки, десятки... Да и объем немаленький. Дело замедлялось и тем, что инкомбанковцы забирали свои инкассаторские мешки, поэтому наши ребята грузили наличность навалом в салоны своих машинешок. В разгар действия у выезда из стройплощадки появились две непрошенные легковушки, у которых прохаживались молодые люди кавказской национальности... Наши ребята смекнули, что их продали инкомбанковцы и сделали выводы. Хотя у володькиного друга и был при себе табельный «Макаров», незаметно перекинувшись парой фраз, пробиваться решили не стрельбой, а проворством и хитростью.

Догрузив дензнаки, которые едва поместились в машинах, Володя с другом смело погнались на выход со стройплощадки и, не отвечая на жестикующую незнакомцев, рванули по старой Москве, которую оба наши парня знали отлично. На первом же светофоре разбежались по разным переулкам и помчались к дому кремлевского друга, чтобы не светить дом Володи. Две красные «шестерки» вскоре потеряли их из виду и отстали. Соединившись в условленном месте, осмотрелись и убедились, что нет хвоста. Только после этого поехали к дому Володи, куда вскоре приехали и мы с Леной. Разгрузка денег проходила в полной темноте и носили их не в квартиру Володи, а в квартиру соседки с первого этажа на случай, если ночью пожалуют незваные гости.

Правда, Бог миловал, и никто не ворвался и не перестрелял нас, как цыплят. Всю ночь мы не спали, сначала до тошноты пересчитывали денежки, установили, что все соответствует документам, выпили у володиной Татьяны весь кофий и съели печенье, сушки, карамель, корочке, подорвали продовольственные запасы Финогеновых основательно.

Утром Володя первым делом смотался в ближайший продмаг и привез более тридцати коробок из-под масла сливочного. В эти коробки загрузили деньги, перевязав шпагатом. Получилось тридцать коробок. Лена съездила на Казанский вокзал и взяла четыре билета в одно купе на какой-то дополнительный поезд до Казани, который должен был отбыть где-то в часа два дня.

Л. Г. Онушко

Быстро загрузившись (из-за коробок стало больше «товара», поэтому пришлось использовать багажник на володиных «Жигулях»), поехали на вокзал. Когда мы с Леной приехали на вокзал, машин с деньгами еще не было. Но там уже нервно прохаживался Серега, которого мы из соображений конспирации в дом к Финогеновым не звали, увидев нас, радостно побежал навстречу. Еще минут через тридцать подъехал Володя, у которого было 26 коробок, основная сумма (как потом выяснилось, в этих коробках было около 25 млн рублей). Остальные четыре коробки вез на «Запоре» его друг. Володя сказал, что долго ехал из-за пробок, около часа потерял на Садовом кольце, что его друг, возможно, тоже где-то застрял. До отправления поезда оставалось часа два, но мы уже начали нервничать. Все скопом позвали двух вокзальных носильщиков с тачками, на которые те и перекидали коробки с дензнаками. Потом порулили на предперонную площадку примерно напротив первой платформы, и, чтобы никому не мешать, расположились табором поближе к стенке вокзала.

Томительно тянулось время, да и замерзли довольно сильно, хотя мороз стоял не сильный, градусов 8–10. Очень волновались за «Запорожец», который все еще опаздывал. Но Володя и нас и себя успокаивал, говорил, что его друг абсолютно надежный и честный человек. А тут еще за час до посадки объявили, что отправление нашего дополнительного казанского экспресса задерживается ориентировочно на два часа.

В это время наша относительная безмятежность в один момент рухнула. Было так. Сначала куда-то усохли носильщики, пообещав прийти после объявления посадки. Вдруг откуда ни возьмись у наших доверху груженных фур возник молодой пацан, чью социальную принадлежность мы определили мигом. Коренастый, бритоголовый «качок», пальцы растопыркой, уверенный в себе. Его свинцовый взгляд не предвещал ничего хорошего. Мы переглянулись, как овцы, припертые к стене волком. Мы, конечно, знали, что на московских вокзалах открыто орудуют рекетиры и просто грабители, которые в сговоре с милицией отбирают у пассажиров ценные вещи, деньги, и если что, избивают, а то и убивают. Но одно дело читать о таком в «Московском комсомольце», другое дело, когда проза жизни коснется тебя лично.

— Что тут у тебя в коробках, мудозвон? — лениво, однако почти дружелюбно спросил хозяин вокзала и сильно толкнул верхнюю коробку, пытаясь определить, что в ней.

Мы все сразу поняли. И, как бывает только в минуту страшной опасности, стали, не сговариваясь, очень правдоподобно играть соответствующую пьесу по какому-то озарению, у нас проснулся глубоко дремавший артистический дар. Началась гениальная импровизация почти по Мейерхольду.

— Да конспекты там, учебники. Аспирант я, — очень натурально и естественно ответил Володя, непринужденно улыбаясь, — а это вот моя жена, тоже студентка. Мы поженились и переезжаем в Казань к теще...

Молодая жена, она же по совместительству Леночка Суханова и верная подруга Айдара Салихова, нежно прижалась плечиком к Володке, подняла к нему свои голубые очи. Ласково попеняла мужу:

— Налей отцу сто грамм, смотри, папа совсем замерз.

Я выглядел, очевидно, в соответствии с ее наблюдениями. Володя нагнулся и достал из одной из наших сумок, стоявших у тележек, термос. Отвинтил крышку-чашку и налил мне дымящегося кофя, которым снабдила нас в дорогу его первая жена, Татьяна. В принципе, где-то в недрах сумок была и бутылка «Абсолюта», но сходу было не достать.

Зубы мои стучали о пластмассу то ли от холода, то ли от элементарного страха в связи с непредсказуемостью момента. Пальтецо у пришельца как бы случайно распахнулось и мы, кто ближе стоял, увидели за брючным ремнем пистолет. То ли газовый, то ли настоящий. Как говорится, следует предполагать худшее.

Коробка, которую довольно бесцеремонно толкнул хозяин вокзала, сильно покачнулась, но удержалась на куче себе подобных. Я с ужасом представил, что началось бы на привокзальной площади, упади эта коробка, раскройся и рассыпь дензнаки по перрону...

Но и другой вариант, если бы я заорал в надежде на помощь милиционера, показался мне ужасным. Нас привели бы в привокзальное отделение милиции, вскрыли коробки и... несмотря на законные документы, озверели бы и, скорее всего, вывезли бы в сторону Косино или Ухтомской и порешили бы в лесу. Таких случаев было тогда немало.

Видно, наши актерские способности оказались недюжинными, сыграли мы свой экспромт недурно. Преступный элемент осклабился и сказал примерно следующее:

— Во, бля, даете, столько тетрадок хрен знает куда везти. Ты бы, доцент, больше времени телке уделял, чтоб не заскучала, а то книжки, сука, загрузил. Тьфу!

Он смачно сплюнул и по-хозяйски, не спеша, отвалил, быстро растворившись в толпе.

Через час мы вновь увидели сгинувших перед визитом «братка» носильщиков и поняли, что вскоре объявят посадку на Казань. Шли мы за своими тачками непрерывно оглядываясь, потому что володин друг на «Запоре» так и не появился. Побросав коробки в купе, носильщики выцыганили еще одну договоренную сумму за простой и, поздравив нас со свадьбой (и от кого только они прознали?), вокзальные пролетарии быстро отвалили. Не прошло, однако, и пяти минут, как появился запыхавшийся Володин приятель, впереди которого неся рысью носильщик с тележкой, на которой красовались последние четыре коробки с пятью миллионами рублей. Только их загрузили, как объявили провожающим покинуть вагоны.

Итак, мы поехали четвером: я, Лена, Володя и его друг, вооруженный табельным «Макаром». Все купе оказалось забитым коробками, даже проход между диванами. Посовещавшись, решили, что нас все-таки вычислили и будут брать, когда отъедем от Москвы. Поэтому сдав билеты,

получив постели, быстро попив кофе и пожевав, что там у нас было в сумках, закрутили запор двери проволокой и чьим-то кожаным ремнем. Решили до утра не выходить в туалет и никому не открывать.

Дополнительный казанский экспресс оказался составленным из престарелых вагонов, наш вагон продувался как хворостяная изгородь, да еще проводники не топили... За окном к ночи мороз прижал до 25-градусов. Лежали на койках в пальто, сапогах, шапках и укрывались двойными одеялами. Все напрасно. Мерзли, как в окопах Сталинграда. Но кое-как к двум дня добрались до Казани...

Нас встречали двумя машинами охранники Андрей и Борис. Переносили коробки, чертыхаясь.

— Что тут у вас, кирпичи? — спросили челнинцы. Лена сказала им, что это бланки приходных и расходных ордеров. Но уже на второй день, перетаскав коробки в кассу офиса на Пушкина, 14, Борис и Андрей усекли, что везли немыслимую сумму денег. И только молча покачали головами.

Предисловие к годовому отчету

Недавно один веселый человек, неожиданно-негаданно облеченный немалой властью, протрубил на всю страну, что хотел бы побороться за рынок без лавочников, а то с ними, мерзавцами, базар получается.

Конечно, кое-кому для собственной выгоды хотелось бы порыбачить в мутной воде прямого натурального обмена производителя с потребителем, а для этого надо дискредитировать торгово-финансовый капитал, единственного грамотного посредника, способного создать и эффективно поддерживать инфраструктуру общероссийского обмена и возрождение здорового производства.

Невдомек чиновнику, что как раз прямой натуральный обмен и есть базар, а лавочники и банкиры превращают этот первобытный хаос в упорядоченную систему торговли, кредита, денежного обращения, и то, что получается в итоге, и есть цивилизованный рынок, естественно передающий производству через инвестирование социально-товарный заказ общества.

Межрегиональный народный банк «Континент» — банк нового типа, банк для человека, для независимого предпринимателя, для фермера, для их семей, словом, народный банк по самой своей сути. С другой стороны, он один из немногих действительно акционерных банков открытого типа, почти половину капитала которого составляют средства граждан.

Прошедший 1992 год был сложным и для нашего банка. Однако удалось сохранить и расширить клиентуру, запустить два филиала, получить солидную прибыль. Весь год проработали на собственных и свободных рыночных ресурсах, не прибегая к централизованным источникам. Об остальном расскажет баланс.

В наступившем году «Континент» — это банк средней руки с 150 млн уставного фонда, твердо стоящий на ногах и активно развивающийся, это банк преданных своему делу молодых профессионалов, которые в любых

денежно-финансовых погодных условиях сумеют продолжить полет в будущее цивилизованной России.

28 марта 1994 года (из дневников). На основе моего выступления на 4-м съезде АРБЫ подготовил статью в наш профессиональный журнал «Банк», одним из 18 учредителей которого является банк «Континент». (Она вышла под названием «Карфаген должен быть разрушен!», подписанная псевдонимом Олег Зоин.) Ниже привожу рукопись (в небольшом сокращении).

Существует ряд препятствий, мешающих, на наш взгляд, цивилизованному развитию банковского дела в России.

1. Прежде всего задержка реконструкции банковской системы в целом. Создание коммерческих банков в 1988 году было только началом, хотя и значительным, столь необходимой реконструкции. В отсутствие независимого банковского капитала некому было даже ставить вопрос о реструктурировании на всех этажах союзного, а затем и российского банковского небоскреба.

Бывшему Госбанку СССР хотелось переложить на комбанки ответственность и хлопоты текущей работы, не поступаясь монополией в принципе. Хотя были в составе руководства ГБ такие далеко смотрящие люди, как В. С. Захаров, благословившие первые комбанки на самостоятельное плавание. Без них вообще ничего бы не стронулось с места. Однако затем с распадом СССР рухнул и ГБ, превратясь в ЦБР, изначально неспособный организовать полноценную банковскую реформу. Тем не менее процесс укрепления коммерческих банков пошел бурно. И можно сказать, что именно на этом направлении Россия всего за шесть неполных лет уже совершила прорыв в цивилизацию, прорыв, правда, не замечаемый до поры ее совковой элитой, занятой кровавым переделом политической власти.

В 1988–89 годах возникла блестящая плеяда талантливых банкиров новой формации, таких, как В. Виноградов, Ю. Агапов, А. Смоленский, Р. Кадыров, П. Нахманович и десятки других, банкиров «генетических», формально совершенно не пригодных к этой работе по критериям управления кадров бывшего ГБ, не имеющих в большинстве случаев даже специального образования.

Тем не менее именно эти люди, не отягощенные нравами и корпоративной импотенцией спецбанков, являвшихся зачастую карманными финансовыми «конторами» местных властвующих элит, взяли на себя адский труд строительства независимых банков под гарантию своего личного, но такого гражданского мужества, причем зачастую без гроша в кармане. Сегодня можно уверенно говорить, что в России «состоялись» сотни прекрасных банкиров.

Это их стараниями не один год проходили довольно мучительные поиски подходящей формы для консолидации российской банковской обще-

ственной структуры, завершившиеся созданием Ассоциации российских банков, превратившейся ныне фактически в общенациональную российскую корпорацию банков, проводящую в апреле т. г. свой уже 4-й съезд. Сейчас в российском банковском мире, как и в обществе в целом, заканчивается созревание концепции новой расстановки банковских институтов.

Основные моменты назревших преобразований на виду.

Главное заключается в лишении ЦБР всепоглощающей банковской монополии, без чего говорить об успехе рыночных реформ в России излишне. В связи с этим ЦБ должен быть немедленно лишен функции расчетного монополиста и функции резервной системы. Необходимо срочное создание Федеральной резервной системы (ФРС) и Национальной клиринговой системы [объединения независимых коммерческих клиринговых центров (НКС)]. Комбанки должны быть защищены законом от вмешательства правительств республик в составе РФ, администраций и их органов всех уровней.

Власти всех уровней стремятся незаконно возложить на КБ исполнение разнарядок по подпитке за дармовой процент денежными ресурсами колхозов и предприятий ВПК...

Необходимо законодательно освободить КБ от возложения на них всеми кому не лень небанковских функций госконтролера за поступлением налогов, платежей в Пенсионный и иные фонды, за сдачей клиентами статотчетности, за расходованием каких-то «заработанных» средств, превращая КБ в легавую собаку с функцией судебно-бухгалтерской экспертизы.

Более того, имеют место попытки требовать от комбанков представлять в РКЦ не только подтверждение товарности платежа, что само по себе трудновыполнимо для банка, т. к. требует криминалистического анализа товаро-транспортных и платежных документов, но и подтверждение правомерности получения средств клиентами.

Здесь налицо тенденция свалить ответственность с клиентов КБ на сами банки, являющиеся лишь денежно-проводящими инструментами, т. е. попытка обязать кошелек отвечать за праведность помещенных в него средств. Еще кое-кому наверху хочется также, чтобы кошельки под названием комбанка как можно чаще заедало, чтобы они затрудняли владельцам пользование их деньгами. Возможно, расчет на то, что такие кошельки будут выброшены за ненадобностью.

Необходимо защитить КБ от вмешательства прокуратуры и прочих дознавателей, обеспечить строгое соблюдение коммерческой тайны КБ и их клиентов и акционеров, а также неукоснительное соблюдение права частной собственности.

Имеющаяся практика ЦБ, МВД и прокуратуры РФ по депонированию средств клиентов, заподозренных (без суда!) в каких-либо правонарушениях, на специальных счетах в РКЦ незаконно и дико, как и другие противоправные действия ЦБ по принудительному сторнированию средств КБ.

Любые изъятия со счетов КБ должны совершаться только на основе решения суда.

2. Должна быть безотлагательно введена через Закон «О банках» и Закон «О ЦБ» полная (через суд) ответственность ЦБ перед коммерческими банками, оформление отношений между ними только через честные договора.

Задержал или «заиграл» платежи комбанков — плати в беспорном порядке 1/180 часть ставки рефинансирования ЦБ в день в пользу КБ плюс потери от инфляции и упущенную выгоду.

КБ должны получить право пользования своими резервами в ЦБ. В любом случае в пределах резерва КБ не должен облагаться штрафом за дебетовое сальдо, скажем, в пределах до ближайшей отчетной месячной даты. ЦБ должен восстановить платность резервов хотя бы на уровне 60% годовых, тогда бы его аппетит поубавился. Когда в 1990–91 годы ЦБ РФ применял 2% резервирования против 5–10 в ГБ СССР, все понимали, что это ход политический — сманить КБ из ГБ в ЦБ.

Но лишь цель оказалась достигнутой, сразу благодетель переменял тон и поднял норматив до 20%. Нужно срочно вернуться к уровню 2–5%, а также изъять резервы из-под юрисдикции ЦБ. Их уровень должен устанавливать законодатель или иной нейтральный орган.

Наиболее же радикальным было бы размещение резервов не в ЦБ, а в Федеральной резервной системе (ФРС).

Уровень кредитной ставки ЦБ нужно формировать на рыночной основе. ЦБ необходимо отказаться от установления принудительной маржи по централизованным кредитам в размере 3% годовых. Также нелепо требование отнесения комбанками расходов по обслуживанию кредитов и депозитов сверх 213% годовых за счет прибыли.

Необходимо однозначно запретить РКЦ ЦБ обслуживать клиентуру, т. е. выступать в роли КБ, сохранив их только как кассовые центры. При этом РКЦ должны перестать быть поверенными финансовых тайн местных и региональных властей, структур МБР, МВД и Минобороны.

Привлекательны и предложения об акционировании РКЦ.

В связи с выходом новых нормативов достаточности банковского капитала трудно сдерживать эмоции...

Противоядием могла бы быть индексация акционерного капитала банков, как, впрочем, и других юридических лиц, в темпе инфляции. Или же принятие правила формирования капитала банков в СКВ. Но в этой стране еще долго не будет в ходу здравый смысл и право.

Считаем необходимым также обратить внимание коллег на попытку установления ЦБР норматива доли материальных активов (недвижимости, оборудования, транспорта) в акционерном капитале, каковая предлагается для 2-х первых лет работы банка в 20%, а далее на уровне 10%. Чувствуется, что товарищи из ЦБР никогда реальных банков не учреждали и просто не видят (или не хотят видеть, тормозя реальный процесс умножения банков), что как раз в первые 10 лет существования банка

его акционерный капитал может быть полностью или на 3/4 истрачен на приобретение зданий, техники и банковских технологий.

И только через десятилетия развития банк, путем последовательной политики роста капитала, сведет долю материальных активов в акционерном капитале до желаемых 10–12%. Требовать этого на 3-м году деятельности — значит, обречь банки вечно ютиться в непригодных дорогих арендованных помещениях и не быть в состоянии построить работу цивилизованно.

Наконец, необходимо конституционно закрепить распределение добавленной стоимости между государством и обществом, т. е. как бы определить «стоимость» содержания государства. Абсурд, когда содержание государства обходится в несколько раз дороже содержания общества. Государство должно служить человеку и обществу, а не наоборот.

Установить современную «десятину» в размере не более 20–25% от любых видов прибыли юридических и физических лиц.

Восстановить квартальный ритм налогообложения.

Никаких налоговых авансов в счет будущей прибыли, это открытый грабеж. При этом государство еще пытается трактовать «неугадывание» налоговых авансов как якобы кредитование налогоплательщика с взиманием штрафных процентов за пользование этими гипотетическими суммами. Если уж кто и должен в этом случае платить за пользование ресурсами, так это Минфин, т. к. он пользуется налоговыми авансами до подведения итогов квартала и выведения хозяйственного результата, т. е. налогоплательщик кредитует вечно голодное государство, а не наоборот.

Плательщики вынуждены подводить итоги хозяйствования буквально ежедневно, что, конечно, нонсенс.

Уточнить смысл отдельных налогов и вообще пересмотреть систему налогообложения. Нужно 1–2–3 налога, а не 40–50.

Налоги в Дорожный фонд. Сомнительно экономическое обоснование таких налогов. Скажем, налог на ГСМ и налог при покупке автомобиля 20(40)% в сущности завуалированное увеличение налога на прибыль (доход) автовладельцев.

Эти налоги огромны, но никто никогда не видел отчета об использовании внебюджетных (!) фондов, а судя по состоянию дорог эти баснословные суммы по-прежнему уходят в ВПК.

Поборы в Пенсионный, Социальный, а теперь еще в Фонд медицинского страхования стали неподъемны. Фактически это более чем удвоение подоходного налога с зарплаты физических лиц, но выплачиваемое работодателями.

В данном направлении необходимо неотложное уравнивание в правах отчислений в названные фонды с отчислениями в независимые частные пенсионно-социальные фонды, которые сегодня в состоянии создать каждый банк. Уверен, что не найдет понимания коммерческих банков и вариант создания пенсионно-социального фонда под эгидой ЦБ РФ.

В любом случае не должно быть никаких принуждений к работодателю автоматически делать эти взносы без согласия конкретного работника.

Благо, каковым законодатель представляет пастве куцую госпенсию, не может быть принудительным. Будущий пенсионер должен иметь право сам выбрать форму страховых накоплений на любой случай — через непредсказуемую госсистему, через частный фонд или путем создания личных сбережений за счет выдачи ему этих сумм на руки или зачисления на какие угодно счета в избранных им банках...

Естественно, что убытки банков должны исключаться из налогооблагаемой базы в составе расходов банков.

В ряде местностей развернулась грубая кампания по навязыванию банкам приобретения лицензий на грузовые и пассажирские перевозки. А/м снимаются с линии, отбираются права и техпаспорта, бесцеремонно останавливаются и досматривается служебный автотранспорт, занятый перевозкой денежных средств и сотрудников...

Мы считаем, что трактовка на местах лицензионной работы на транспорте (в целом необходимой) как лицензирование каждого автомобиля, автомастерской и автозаправки независимо от содержания деятельности их владельцев — грубое попрание прав собственника на управление и распоряжение его собственностью.

По общепринятой мировой практике лицензируются виды коммерческой деятельности, а не объекты собственности, на которых теоретически можно такую деятельность осуществлять.

Банки ни по закону, ни по своим уставам не имеют никакого права осуществлять коммерческие грузовые и пассажирские перевозки, не имеют и права получать такие лицензии, даже если бы хотели...

Как только банк получит лицензии на грузовые и пассажирские перевозки, тут же местная власть доведет ему план по этой деятельности и задание по доходам от нее...

В последнее время усилилось давление местных налоговых органов в попытке обложить налогами филиалы коммерческих банков.

Развитие банковской сети во всем мире требует удешевления филиалов и отделений, поэтому везде работа строится таким образом, что филиалы проводят по поручению головной конторы операции, общаясь с ней в режиме реального времени или суточном режиме. Таким образом, они не ведут никаких балансов, им не планируется никаких фондообразующих показателей, их настоящую рентабельность анализирует ГК и у них нет уставного и иных фондов...

Что же дальше?

А дальше, как говорили древние, тоже не раз в процессе развития общества сталкивавшиеся с необходимостью приведения формы в соответствие с содержанием, «Карфаген должен быть разрушен!»

Л. Г. Онушко

Эпилог

8 апреля 1998 года (из письма). ...Банк пришлось закрыть еще полтора года тому назад, но только сейчас сдвинулось с места дело организации ликвидационной комиссии. К нам (я маю на увазі банк) на шею сел один казанский бандит и попытался захватить все хозяйство, а меня облить грязью. Но прошло полтора года, а у него ничего не вышло. Мне пришлось отсудиться примерно двадцать судов в Челнах, Казани и Москве и все пока окончилось его проигрышами, хотя он очень богатый «новый татарин» и «мостыв добрэ». Но в результате банк оказался парализован, вкладчики и клиенты его обрушили полностью, суды буквально растащили нашу собственность, которую я создавал с 1988 года, за бесценок. На этом деле мы с Флерой потеряли все, что наживали десять последних лет, так как все средства и наши и наших родственников по ее линии были в нашем банке. Но и черт с ним, начнем сначала. Какие наши годы, еще много чего можем насоздавать, было бы здоровье, задумок на десятиерых хватит.